

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА

Юлия Белова

Юлия Белова

Повелительница

<https://litres.ru/74672343>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она уже не рабыня. Не избранная. Теперь она — Повелительница.

Восстав из безвестности, героиня завоевала любовь народа и заставила власть имущих уважать — и бояться — себя. В её руках — судьбы государств, в её воле — менять законы мира. Но в круговороте власти и ответственности она никогда не забывала о главной цели своего существования — той, что когда то стала источником её силы.

Она поклялась богам вернуть родную землю и покарать убийц своей семьи. Героиня берёт в руки нити давней тайной игры, которую начала много лет назад. Её паутина интриг раскинута широко: союзники, шпионы, скрытые договорённости — всё должно послужить возмездию.

И в самый разгар этой борьбы в её сердце, закалённом годами испытаний, неожиданно загорается огонёк любви...

Что победит — долг или сердце? Сможет ли она совместить возмездие и любовь, власть и человечность?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	38
Глава 3	65
Глава 4	89
Глава 5	111
Глава 6	137
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Юлия Белова

Повелительница

Глава 1

Повелительница Аркахаллы, Анна, неподвижно стояла у высокого окна своих новых покоев. В изящных руках она держала фарфоровую чашку, от которой поднимался тонкий ароматный дымок — душистый чай, согревающий и успокаивающий. Рядом Ферухе аккуратно раскладывала одеяния для предстоящего совета: ткани струились, переливаясь в лучах утреннего солнца.

По приказу Анны после её восхождения на престол наряды слегка изменили. Они стали удобнее и практичнее — теперь в них было легче двигаться, — но при этом сохранили величие и отголоски древних традиций, словно мост между прошлым и будущим.

Анна сделала ещё один неторопливый глоток, взгляд её скользнул за окно. Там, внизу, один за другим спешили в зал совета её советники. Их шаги уже не были столь уверенными, как перед первым заседанием при новой правительнице. Лица утратили прежнюю самоуверенность, в глазах читалась тревога. Каждый из них боялся представить, какой неожиданный ход может сделать Повелительница в следую-

щий миг.

На первом совете Анна поразила всех — и этим вызвала новую волну негодования и скрытой злости. Она молча слушала, как советники, один за другим, высказывались по обычным вопросам, ловко изворачивались, стараясь извлечь побольше выгоды для себя и своих покровителей. Их напыщенные речи, пустые споры и мелочные интриги казались ей бессмысленной тратой времени. И тогда в душе Анны созрело твёрдое решение: пора менять устоявшийся порядок.

— Довольно, — резко перебила она очередного советника, который как раз докладывал скучный и малозначимый отчёт.

Мужчина замер на полуслове, удивлённо обернулся к Повелительнице, не понимая, что произошло. В зале повисла напряжённая тишина.

— Уважаемые айширы, — медленно произнесла Анна, обводя взглядом присутствующих, — вам не кажется, что всё это не имеет никакого смысла? — Её голос звучал ровно, но в нём чувствовалась стальная решимость. — Эти напыщенные речи и рассуждения о том, что лучше продавать на ярмарке — репу или картофель, — не сделают жизнь наших людей лучше. Для этого существует гильдия торговцев. Они знают, что, когда и сколько необходимо людям.

Она сделала паузу, давая словам осесть в сознании собравшихся.

— А вы, советники, созданы для более глобальных про-

блем, — продолжила Анна. — Поэтому я объявляю времена перемен. Записывайте мой указ: упразднить совет Повелителя. Старый аппарат власти изжил себя. Теперь никто не встанет у штурвала управления страной только благодаря своей родословной.

В зале раздались приглушённые возгласы, но Анна не обратила на них внимания.

— Отныне каждый, кто желает участвовать в управлении страной, должен доказать свою значимость и умение работать, — твёрдо произнесла она. — Любой, кто достоин — будь то сын древнего рода или простолюдин, одарённый Роханом, — сможет занять место в новом совете.

Решение Анны обрушилось на советников, словно удар грома в ясный день. Волна протеста поднялась мгновенно — яростная, бушующая, полная отчаяния. Шанс потерять своё драгоценное место пугал их не меньше, чем указ о казни: ведь это означало утрату не просто должности, а целого мира — привилегий, влияния, уверенности в завтрашнем дне.

Уютное местечко, которое, как им казалось, было закреплено за ними до последнего вздоха, вдруг оказалось под угрозой. Советники грозились, сыпали угрозами, бранились, топали ногами — но Анна оставалась непреклонна. Её взгляд, холодный и твёрдый, словно лёд северных гор, говорил яснее любых слов: она не отступит.

Более того, Повелительница велела провести специальный экзамен — испытание, которое должно было подтвер-

дить или опровергнуть право каждого занимать свою должность. До экзамена оставалось всего два дня, и это лишь усиливало всеобщее недовольство. Лица советников потемнели, брови нахмурились, голоса стали резкими и отрывистыми.

Самые уважаемые учёные Аркахаллы составляли вопросы для экзамена. И, к глубочайшему разочарованию советников, никто из них не поддавался ни угрозам, ни уговорам — ни единого намёка на содержание заданий не просочилось наружу.

— Всё готово, госпожа, — раздался за спиной Анны мягкий голос Ферухе.

Повелительница поставила чашку на стол, коротко поблагодарила служанку и прошла за ширму, чтобы переодеться.

В этот момент двери покоев распахнулись, пропуская раннюю гостью. Так спокойно войти могли лишь немногие — остальных стражник Чоксо попросту не пропустил бы.

— Приветствую вас, Повелительница, — радостно произнесла Нина, склоняясь в лёгком поклоне. — Я принесла утреннюю почту.

Теперь она носила титул первой помощницы и советницы Повелительницы — больше никто не смел называть её наложницей.

— Кто на этот раз? — спокойно спросила Анна из-за ширмы.

— Тикул, Каурия, Лешт. Да, ещё князь Неджера, — пере-

числила отправителей Нина.

Анна вышла из-за ширмы уже полностью одетая. Приняв из рук подруги письма, она неспешно вскрывала их одно за другим, бегло просматривая содержимое. Освободившись от ноши, Нина тут же плюхнулась на стоящую рядом софу и, схватив из вазы сочное яблоко, с аппетитом принялась его грызть.

Лицо Анны оставалось бесстрастным — ни радости, ни огорчения. Невозможно было угадать, что таится за этой маской спокойствия.

— Ну что там? — с любопытством поинтересовалась Нина, откусывая ещё кусок.

Ферухе, краем уха прислушиваясь к разговору, тихо сновала по комнате, занимаясь хозяйственными делами.

— Как обычно, — равнодушно пожала плечами Анна. — Тикул и Лешт не признают меня как Повелительницу и требуют вернуть трон «законному наследнику». Правда, не уточняют, кто именно этот наследник. Каурия выражает соболезнования по поводу смерти Одаша и интересуется, не повлияет ли смена власти на таможенные пошлины. А князь... князь клянётся в вечной любви.

После восхождения Анны на трон прошло уже полгода, но соседи всё ещё не могли с этим смириться. Казалось бы, какое им дело до того, что происходит в Аркахалле? Но нет — они неустанно наблюдали, шныряли соглядатаями, пытались контролировать, вмешивались в дела страны.

Анаташ считал, что причина в том, что Анна Балажар для них — тёмная лошадка, незнакомка, дерзкая девушка, захватившая власть там, где веками правили только мужчины. Они не знали её, не понимали и оттого боялись — боялись того, что она может сделать в следующий миг.

Но самой Анне до этого не было никакого дела. Мнения соседей её не волновали. Зато она прекрасно знала, чего хочет народ, и чётко представляла, какие шаги нужно предпринять.

Нина, услышав про князя, фыркнула. Ферухе закатила глаза. Анна отложила письма и подняла взгляд на своих помощниц.

— Нам пора на совет, — твёрдо произнесла она.

***

Глубоким вечером советник Анаташ, задержавшийся во дворце дольше обычного, шёл по пустынным коридорам, когда заметил в малом тронном зале мерцающий свет. Время было позднее — звёзды уже всю сверкали на небе, а дворцовая тишина нарушалась лишь редкими шагами ночных стражей. Кто-то в зале не мог не вызвать у старика жгучего любопытства. Свернув с привычного пути, айшир решительно направился туда.

Анаташ вошёл в малый тронный зал через центральный вход. В этих стенах когда-то кипели страсти: здесь Анна с верными людьми переживала осаду дворца, здесь же Одаш Баладжар вошёл с вестью о своей победе — гордый, торже-

ствующий, с развевающимся плащом. Но всё это давно стало историей, отголоском минувших дней, покрывшимся пылью времени.

По правую руку от советника выстроились высокие окна, за которыми простиралась ночная тьма. По левую стену висел огромный гобелен, изображавший легенду возникновения Аркахаллы — древние герои, драконы, волшебные источники... Каждая нить этого полотна хранила память веков. Прямо напротив, на небольшом возвышении, стоял трон — строгий, величественный, с резными узорами, а за ним — огромная карта Аркахаллы.

Анаташ хорошо помнил, как её создавали: как наносили первые штрихи, обозначая границы молодого государства, как постепенно добавлялись новые территории — то победа, то договор, то династический брак. Последний раз карту обновляли около тридцати лет назад: тогда Джихиньяр присоединил небольшое Альгерское княжество, которое по размерам уступало крупным провинциям Аркахаллы. Его дед и отец присоединяли земли щедро, а вот Джихиньяр смог добавить лишь этот скромный кусок. Одаш же не успел сделать и этого...

Перед картой стояла Повелительница. Она задумчиво смотрела на стену, держа в руках кубок с тёмно-красным вином, отблески которого играли на её лице. Анаташ невольно замер — увидеть Анну здесь в столь поздний час было неожиданно. Время близилось к полуночи, все советники

и слуги давно разошлись по покоям, наверняка уже видели сладкие сны, а она всё ещё была здесь, погружённая в свои мысли.

Айшир сделал шаг вперёд, но тут же был остановлен крепкой мужской рукой. Старик вздрогнул — до этого момента он не замечал вакхалийца. Как он мог упустить из виду Чоксо? Тот никогда не отходил от своей госпожи, сопровождал её повсюду, словно тень, неотступно и бдительно.

— Что вы здесь делаете так поздно? — обратился к Повелительнице Анаташ.

Анна не обернулась. Лишь едва заметный кивок головы — и Чоксо беззвучно отступил в сторону, растворяясь в полумраке зала. Анаташ облегчённо выдохнул и подошёл ближе к госпоже. Встав рядом, он тоже устремил взгляд на карту, изучая знакомые очертания земель.

— Что здесь находится? — Анна указала на небольшой участок земли недалеко от столицы. Её палец остановился у извилистой линии реки Чештан — ничем не примечательный клочок земли, затерянный среди лесов и холмов.

Анаташ погладил свою длинную седую бороду и пожал плечами:

— Обычный участок. Не входит ни в одно владение.

— Почему эти земли никто не обрабатывает? — задала следующий вопрос Анна.

— Там же река, — ответил мужчина, словно это объясняло всё на свете. — Земля усыпана камнями, её очень слож-

но возделывать. К тому же высок риск, что река выйдет из берегов и затопит все близлежащие поля. Вот никто и не хочет иметь с ними дело — слишком много хлопот и слишком мало выгоды.

Анна сделала глоток вина. Её тонкий палец начал ритмично постукивать по стенке кубка, выдавая работу мысли. Анаташ бросил на неё вопросительный взгляд — ему отчаянно хотелось понять, что именно занимает ум Повелительницы в этот поздний час.

— Долина, что находится рядом, тоже никому не принадлежит? — задала она следующий вопрос, и в её голосе прозвучала нотка заинтересованности.

— Всё верно, госпожа, — склонил седую голову советник, но любопытство всё же взяло верх. — Госпожа, а зачем...

— Не важно, — отмахнулась Повелительница и обернулась к нему. Её взгляд был острым, словно клинок, а в голосе звучала непреклонность. — Лучше скажите, что привело вас сюда?

Анаташ мысленно чертыхнулся. Он ведь действительно шёл к ней вовсе не ради этой беседы — планы были совсем иными.

— Мне сообщили, что скоро в центральный порт войдёт корабль из Хорты, — тут же произнёс он, стараясь вернуть разговор в нужное русло.

— И что примечательного в этом корабле? — Анна приподняла бровь, её тон оставался ровным, но в глазах мельк-

нуло любопытство.

— Не корабль, а пассажир, — уточнил Анаташ. — В Аркахаллу прибывает сам король Хорты.

Анна хмыкнула и сделала ещё один неторопливый глоток вина. Аромат тёмного винограда слегка смягчил напряжение момента. Она отошла от карты, медленно прошла обратно к трону и присела, задумчиво постукивая пальцем по резному подлокотнику.

— Чем нам это грозит? — спросила она, пристально глядя на советника.

— Сложно сказать, — честно ответил айшир Анаташ, привычно поглаживая длинную седую бороду. — Эманель Кусейн стал королём год назад, после смерти своего отца. До этого момента его никто не видел — даже не знал, как он выглядит. Почивший король скрывал своего единственного сына ото всех, даже от самых доверенных лиц. После коронации молодой монарх вёл дела исключительно внутри королевства и почти не занимался внешней политикой, доверяя всё своим помощникам. Трудно что-либо сказать об этом человеке — он словно призрак, сотканный из слухов и домыслов.

Анна замерла, обдумывая слова советника. В зале повисла тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием свечей. Она была полностью с ним согласна: личность короля Хорты оставалась загадкой. Но в то же время он был единственным правителем, кто открыто принял её правление и признал её

власть.

«Либо это тщательно спланированная ловушка, — размышляла Анна, — либо, напротив, шанс обрести могущественного союзника. Возможно, он хочет оценить обстановку лично, без лишних глаз и ушей».

— Раз официального заявления не было, значит, его величество соизволил прибыть инкогнито, — наконец произнесла она, и в её голосе зазвучала холодная решимость. — Подыграем ему. Сделаем вид, что ничего не знаем. Но охрану приставить нужно будет обязательно. Если с ним что-то случится на нашей территории, мы никому не докажем, что ничего не знали о его прибытии.

— Да, госпожа, — склонил голову Анаташ, почтительно склонившись. В его глазах мелькнуло одобрение: он видел, как быстро и чётко Повелительница просчитывает ходы, словно опытный шахматист.

Анна вновь подняла кубок, наблюдая, как в глубине вина мерцают отблески пламени.

***

И будто одного короля им было мало — на следующий день в столицу прибыло сразу две делегации: из Тикула и Лешта. Если беспокойство небольшого княжества, делившего с Аркахаллой границы, ещё можно было понять — соседи всегда настороженно следят за переменами у соседей, — то мотивы Тикула оставались загадкой. Это государство, богатое и влиятельное, редко проявляло интерес к делам Арка-

халлы напрямую.

Чтобы сэкономить и своё время, и время дорогих (хотя и не слишком желанных) гостей, Повелительница приказала привести обе делегации в малый тронный зал. «Если им что-то нужно будет обсудить наедине, они смогут сделать это позже», — распорядилась она. Анна и так приблизительно знала, о чём пойдёт речь: содержание писем, присланных ранее, уже намекало на суть претензий и требований.

Делегации вошли в зал и замерли, обмениваясь взглядами, полными неприязни и надменности. Вероятно, их задело, что принимают их одновременно, словно каких-то мелких просителей, а не высоких представителей суверенных государств. Но аркахаллонцам было всё равно: здесь диктовали правила они. Советники Повелительницы наблюдали за гостями с хмурой сдержанностью, словно оценивая, сколько выдержки потребуется, чтобы вынести эту встречу.

Анна появилась в зале в сопровождении ближайших советников и стражей. Примечательно, что сопроводить госпожу вызвались одновременно и Ардэн Тадж, и Дэниз Вейшад — две известнейшие и сильнейшие личности в Аркахалле и за её пределами. Оба были людьми действия, с острым умом и железной хваткой. Поскольку это была первая официальная встреча Повелительницы с иностранными послами, Анна не стала отказывать им в этом праве — пусть видят, кто стоит за тронном, и кто готов поддержать её слово силой.

Интересно было, какой именно представляли себе Пове-

лительницу эти люди. То, что они увидели, поразило всех без исключения.

Хрупкая, невысокая синеглазая красавица в традиционном наряде своей страны — изящный крой, благородные цвета, вышивка, рассказывающая историю веков. Единственным, что выбивалось из привычного образа правительницы, была малая корона на голове — не громоздкая, не кричащая, но чётко обозначающая статус.

Послы усталились на Анну, затем удивлённо переглянулись с советниками. Им с трудом верилось, что именно эта девушка смогла совершить невозможное: занять трон в стране, где веками царил патриархат, где власть передавалась из рук в руки сильных мужчин, а женщины оставались в тени дворцовых интриг.

— Посол Бехлеб Ладиш из княжества Лешт, — начал представлять гостей секретарь, чеканя каждое слово, — посол Ассон Тир Квен и граф Блис Конт Сеил из Тикула. Перед вами — светлейшая Повелительница Аркахаллы, Анна Баладжар.

Ассон Тир Квен скривился, даже не пытаясь скрыть своего пренебрежения к нынешней владычице Аркахаллы. Переглянувшись со своим земляком, он ещё раз окинул Анну неприязненным взглядом — словно пытался разглядеть в ней слабость, неуверенность, страх. Всё это не укрылось от внимания советников Повелительницы. В их рядах пробежал шёпот — тихий, но полный негодования: как смеет

этот чужеземец так вести себя перед лицом их госпожи?

Но одного едва заметного жеста Анны оказалось достаточно, чтобы в зале воцарилась абсолютная тишина. Даже пламя свечей, казалось, замерло, прислушиваясь.

— Приветствую достойных мужей на землях Аркахаллы, — молвила Анна ровным, спокойным голосом, в котором, однако, звучала сталь. — Могу я узнать причину вашего визита?

Вперёд выступил посол из Лешта.

— Светлейшая Анна Баладжар, — начал Бехлеб Ладиш, заметно нервничая: его пальцы то и дело потирали лоб шёлковым платком, а голос слегка дрожал, — мы пришли сюда, чтобы...

— Мы против того, чтобы трон Аркахаллы был под властью узурпатора! — громогласно перебил его Ассон Тир Квен, резко шагнув вперёд. Его голос прозвучал как удар хлыста. — Требуем, чтобы его вернули законным представителям рода Баладжар!

Бехлеб, оборванный на полуслове, опасливо взглянул на Анну, затем обернулся к Ассону с немой укоризной. Было ясно: в душе он разделял эти слова, но предпочёл бы выразить их куда более дипломатично.

Анна наблюдала за этой сценой с ледяным спокойствием, едва сдерживая желание закатить глаза. Поведение послов, их напыщенные речи и смехотворные требования напоминали ей перепалку неразумных детей, не поделивших игрушки.

ку. В глубине души она чувствовала раздражение, но внешне оставалась невозмутимой — как скала, о которую разбиваются волны.

— Прошу прощения, — снова заговорила Анна, её голос прозвучал мягко, но в нём угадывалась сталь, — я не поняла один момент.

Повелительница сделала паузу — нарочито долгую, наполненную тишиной, в которой каждый мог расслышать биение собственных нервов. Ассон Тир Квен насмешливо хмыкнул, явно решив, что его речь оказалась слишком мудреной для «недостойной девицы» на троне. Он даже не подозревал, что, явившись сюда с такими словами, совершил одну из главных ошибок в своей жизни.

— По какому праву вы, граждане другого государства, высказываете своё недовольство касательно трона соседней державы? — чётко и внятно произнесла Анна, заглушая недовольный ропот среди своих советников.

Ассон снова скривился, словно откусил что-то кислое. Стоящая неподалёку Нина едва слышно шепнула: «Словно лимон съел», — и Анна не смогла сдержать лёгкой улыбки. Эта едва заметная реакция, казалось, ещё сильнее вывела посла из себя.

Он уже открыл рот, чтобы разразиться новой тирадой, но его земляк, граф Блис Конт Сеил, мягко, но твёрдо положил руку ему на плечо, останавливая.

— Мы, как ближайшие соседи, крайне заинтересованы в

том, чтобы на этих землях царили мир и порядок, — произнёс граф куда более учтиво, стараясь сгладить резкость слов своего соотечественника.

— А с чего вы решили, что здесь творится беспорядок? — парировала Анна, обводя взглядом зал. — Разве, проезжая по улицам нашей столицы, вы увидели какие-то признаки хаоса? Протесты? Собрания? Угнетение жителей? Или, может быть, мои советники плохо работают и что-то скрывают от меня? — она обернулась к своим людям, и те выпрямились, подтверждая готовность ответить за свои действия.

— Не нужно здесь язвить, — прошипел Ассон, сжимая кулаки. Его лицо побагровело, а глаза метали молнии.

В зале повисла напряжённая тишина. Советники Анны переглянулись — кто-то с едва заметной усмешкой, кто-то с холодной настороженностью. Послы из Тикула и Лешта ощутили, как почва уходит у них из-под ног: они рассчитывали на слабость, а столкнулись с непреклонной волей.

Анна же, сохраняя безупречное спокойствие, слегка склонила голову, давая понять, что ждёт следующего хода. Её взгляд был ясен и холоден — как горный ручей, в котором отражается небо.

Стоявший в рядах советников Ардэн Тадж демонстративно положил руку на рукоять меча — пальцы сомкнулись на холодной стали, а взгляд стал острым, как клинок. Посол Тикула тут же осёкся на полуслове. Намек был ясен, чёток и беспощаден: пусть убивать послов и запрещалось во многих

государствах, но в этих стенах, под взором Повелительницы, возможно было всё.

Советники, чьё негодование после слов Ассона нарастало, как грозовая туча, больше не желали молчать. Один за другим они обрушили на послов поток гневных реплик — началась самая настоящая перепалка. Голоса сливались в гул, воздух наполнился напряжением, словно перед бурей.

— Довольно, — просто сказала Анна.

Её голос прозвучал негромко, но так властно, что в зале мгновенно воцарилась тишина.

Советники тут же пристыженно склонили головы, осознав, что позволили эмоциям взять верх. Ассон в который раз презрительно покачал головой и обернулся к Анне — но тут же растерял всю свою уверенность, стоило ему столкнуться со взглядом её синих глаз.

Он был поражён той аурой власти, что в этот миг исходила от Повелительницы — не просто силы, а холодной, непреклонной воли, способной переломить любое сопротивление. «Неужели я... испугался?» — пронеслось в его голове. Он качнул головой, прогоняя эти дурные мысли. «Быть такого не может!»

— Уважаемые послы, вы забываетесь, — продолжила Анна ровным, но твёрдым голосом. — Чужаки не имеют права вмешиваться во внутренние дела Аркахаллы. Трон, о котором вы так печётесь, я получила законным образом. И даже если бы это было не так, прислушиваться к вашим словам я

не намерена. Что-либо требовать здесь вы также не можете. Вы в этой стране — никто.

— Как вы разговариваете с послами?! — зло воскликнул кто-то из свиты посла Тикула, не выдержав.

— Если уважаемые послы не собираются вести нормальный диалог, я буду разговаривать на доступном им языке, — холодно ответила Анна.

Поднявшись со своего места, она медленно обвела послов взглядом — пристальным, пронизывающим, словно она видела их насквозь. И под этим взглядом они невольно сжались, поёжились, словно от ледяного ветра. Она была невысока ростом, но каждому из послов вдруг показалось, что она возвышается над ними, как неприступная горная вершина, как непреодолимая стена.

«Кто она? Почему имеет над нами такую власть?» — вихрем проносилось в голове Ассона.

— Мне жаль признавать, что наши «ближайшие соседи» оказались столь глупы и бесстрашны, — продолжила Анна, и в её голосе зазвучала горькая насмешка. — Раз уж вы думали, что я заняла это место незаконно, то неужели полагали, что по одному вашему требованию уступлю его? Вы смешны в своей наивности. Прежде чем явиться сюда, вам следовало разузнать обо мне побольше — хотя бы попытаться понять, с кем имеете дело, если уж решили одержать победу.

Послы нервно переглядывались, не понимая, о чём она говорит. Но тревога уже закралась в их души.

— Вот я знаю о вас всё, — произнесла Анна, и каждое её слово падало, словно камень в воду. — Вы на территории моего государства. Здесь я — власть и сила. И я не обязана отчитываться перед вами. Как и вы не несёте отчёта за свои действия на своей территории.

Она сделала паузу, позволяя словам осесть в сознании слушателей, а затем продолжила:

— Например, я же не спрашиваю, почему, господин Ассон Тир, бесследно пропала целая семья левого советника вашего короля? Или, может, вы объясните мне, как умерла госпожа Гровесская? Я не спрашиваю, почему в Тикуле началось восстание селян — мирное, не несущее угрозы, — но отчего-то вся деревня сгорела за один вечер. По чьему приказу действовали наёмники в красных масках? Не подскажите, господа послы?

Господа послы пребывали в настоящем шоке. Они переглядывались друг с другом, затем с ужасом смотрели на Анну. Не на такой приём они рассчитывали. Было неприятно осознавать, что человек, к которому они явились со своими «требованиями», знает все их грязные дела, все тайны, которые они так тщательно скрывали.

А вот советники Повелительницы были откровенно довольны. Они посматривали на незваных послов с насмешкой и превосходством, наслаждаясь их растерянностью. Уважаемым господам было приятно видеть, как уверенность чужаков рассыпается в прах. Повелительница в который раз до-

казала, что не просто так занимает своё место — она была достойна трона, и её воля была законом.

Ассон Тир побагровел от злости — его лицо стало тёмно-красным, жилы на шее вздулись, а кулаки непроизвольно сжимались и разжимались. Другие послы лишь скрежетали зубами, бросая на Анну злобные взгляды, но выступить против неё никто больше не осмеливался. Воздух в зале сгустился, словно перед грозой.

— Это шантаж? — наконец прошипел Ассон Тир, с трудом сдерживая ярость.

— Как вы могли такое подумать? — искренне удивилась Анна, слегка приподняв брови. Её голос звучал спокойно, почти ласково, но в синих глазах сверкала сталь. — Я всего лишь пытаюсь объяснить вам, в чём вы были неправы. Другими словами: не суйте нос в дела чужого государства.

Она сделала шаг вперёд, и её фигура, несмотря на небольшой рост, вдруг показалась невероятно внушительной.

— От того, что трон сменил своего хозяина, что-то изменилось в отношениях Аркахаллы и Тикула? Происходят стычки на границах? Или, может, были разорваны торговые отношения? А может, возросли таможенные пошлины? — Анна задавала вопросы один за другим, чётко чеканя каждое слово. — Ничего из вышеперечисленного. То же самое касается и Лешта. Поэтому я искренне не понимаю, в чём ваша проблема.

Ассон Тир, всё ещё сжимающий кулаки, вдруг сплюнул на

пол — жест грубый, непристойный, выдававший его полную потерю самообладания.

— Какая-то девка с рынка мне не указ! — громко бросил он, и в его голосе прозвучала открытая ненависть.

В тот же миг Ардэн Тадж оказался рядом с послем — стремительно, как тень. Остриё его меча прижалось к горлу шокированного мужчины, а глаза советника сверкнули холодным огнём.

Повелительница на мгновение прикрыла глаза, сдерживая вздох. Она не понимала, как такого человека могли поставить на столь ответственный пост. Посол — это в первую очередь лицо своего государства и монарха. Обычно на это место назначают людей с острым умом и красноречием, тех, кто внимательно следит за каждым словом и действием. Но этот случай был просто вопиющим. Более ужасного посла Анна ещё ни разу не встречала.

«Как король Тикула мог отправить ко мне такого человека? — пронеслось в её голове. — Разве что их целью и был полный разрыв отношений с Аркахаллой. Ну что ж, раз они этого хотят, они это получают».

— За оскорбление Повелительницы Аркахаллы Ассон Тир будет изгнан из страны и никогда больше не ступит на эти земли, — выговаривая каждое слово с ледяной чёткостью, произнесла Анна. — Также Аркахалла в одностороннем порядке разрывает все связи с Тикулом. Генерал Тадж, проследите, чтобы послы Тикула сегодня же покинули нашу

столицу и направились в сторону границы.

Её слова прозвучали, как удар молота по наковальне — резко, отчётливо, бесповоротно. Они стали неожиданностью как для послов, так и для советников. Все присутствующие смотрели на Анну так, словно она только что совершила нечто невероятное — будто сдвинула гору одним движением руки.

Ардэн молча поклонился своей госпоже и недвусмысленно обернулся к послам. По одному его жесту воины в доспехах окружили незваных гостей, сомкнув ряды и вынуждая их отступить к дверям.

— Давайте не будем принимать поспешных решений... — подал голос один из послов Тикула, его голос дрожал, а лицо побледнело.

Анна лишь слегка повернула голову в его сторону, и одного её взгляда оказалось достаточно, чтобы тот замолчал на полуслове. В зале повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь звуком шагов воинов и прерывистым дыханием послов, осознавших, что игра, которую они начали, обернулась против них.

— Поспешных решений? — голос Анны зазвучал низко и властно, эхом отражаясь от стен зала. — Вы пришли в мой дом со своими требованиями и условиями. Пытаетесь указывать, что нам делать, врзаете в наши дела, оскорбляете Повелительницу — и ещё смеете говорить о поспешных решениях? В сложившейся ситуации это ещё самое мягкое на-

казание.

Послы наконец осознали, куда завели их собственные речи, и сдались. Опустив головы, они один за другим стали покидать зал — шаги звучали глухо, словно каждый шаг давался им с трудом. Последним выходил Ассон Тир. Напоследок он обернулся и смерил Анну взглядом, полным мрачного обещания возмездия, — даже не подозревая, что уже сам подписал себе приговор.

— Надеюсь, на примере Тикула вы поняли, чего можно ожидать после необдуманных действий? — обратилась к послам Лешта Повелительница.

Те не были глупцами: быстро поклонившись и пробормотав слова извинения, они поспешили покинуть столь «гостеприимное» место — почти бегом, словно боясь, что их оставят.

Когда зал опустел и последние шаги гостей затихли в коридоре, Анна вновь заняла место на троне. Она оглянулась на своих советников — и по едва заметным движениям губ, по напряжённым плечам было видно: они едва сдерживаются. Но стоило отдать им должное: пока в зале присутствовали посторонние, никто не выказывал недовольства. Чужим знать, что совет не всегда согласен с Повелительницей, вовсе не обязательно.

— Говорите, — просто сказала Анна.

И словно плотину прорвало: советники заговорили разом, перебивая друг друга. Голоса сливались в гул, но суть своди-

лась к одному — они были крайне недовольны самовольным решением Анны.

— Моё решение окончательно и обсуждению не подлежит, — твёрдо отрезала она.

Один из советников, айшир Ксавш, хмыкнул. Злая насмешка и презрение в его глазах были заметны абсолютно всем.

— Айшир Ксавш, вам что-то кажется смешным? — насмущалась Анна, её взгляд стал острым, как лезвие.

Мужчина поджал губы и едва сдержался от того, чтобы закатить глаза. Повелительница подняла бровь, ожидая ответа.

— Разве я имею право выговориться? — процедил мужчина, явно намекая на недавние слова Повелительницы.

— А разве вам кто-то запрещал это делать? — вопросом на вопрос ответила Анна, её голос звучал обманчиво спокойно.

— Ну раз вы настаиваете, — прошипел мужчина, словно змея, готовящаяся к броску, — вы, Повелительница, — в последнем слове сквозила откровенная насмешка, — приняли решение самостоятельно, не посоветовавшись с более опытными людьми. Вы ведь даже не подумали о последствиях данного решения. А всё почему? Потому что «злой дядя» посмел вас обидеть?

После его слов в зале воцарилась полнейшая тишина. Некоторые смотрели на Ксавша как на смертника, другие — как на безумца. Но были и такие, кто явно думал так же, но

не смел высказаться вслух.

Анна на его слова лишь улыбнулась — медленно, почти лениво. Но от этой улыбки у всех присутствующих по спине пробежали мурашки. Даже у самого Ксавша лицо на мгновение дрогнуло.

— Отчего вы все, господа, не воспринимаете мои слова всерьёз? — тихо спросила она, пальцы начали отбивать по подлокотнику кресла какой-то ей одной известный ритм. — Почему вы думаете, что принятые мною решения не имеют оснований?

Советники недовольно переглядывались и перешёптывались, но никто не решался заговорить.

— Я знаю, что все вы считаете меня простой «девчонкой с рынка», — продолжила Анна, и в её голосе зазвучала сталь. — Но, несмотря на ваше недовольство, я всё же являюсь Повелительницей этой страны. Каждое моё решение взвешено и обдумано. Я никогда ничего не предпринимаю, не просчитав все ходы заранее.

Она сделала паузу и обвела всех присутствующих взглядом — холодным, пронзительным, не оставляющим места для сомнений.

— Эти люди только что показали, как относятся ко мне и к Аркахалле в целом. Тикул уже давно точит зуб на наши территории. Они всё время проверяют нас, прощупывают слабые места — ещё со времён Повелителя Джихиньяра и до моего супруга Повелителя Одаша. А теперь, когда власть пе-

решила в мои руки, они решили действовать. И я не позволю им диктовать свои условия. Аркахалла будет стоять твёрдо — с вами или без вас.

Её гневная тирада изливалась на пристыжённых советников, словно проливной ливень, бьющий по земле с неумолимой силой. С каждым словом Повелительницы мужчины вжимали головы в плечи, словно пытаясь стать меньше, незаметнее. Даже те, кому, казалось бы, всё равно, ощутили, как по спине пробежал неприятный холодок — воздух в зале сгустился, наполнился напряжением, будто перед грозой.

— Они везут нам гниющее зерно и продают его нашим людям, — голос Анны звучал жёстко, чеканя каждое слово. — Везут те товары, которые их собственные люди даже не рассматривают. На границе с них берут ничтожные пошлины, в то время как наши торговцы отдают в три-четыре раза больше! И не надо делать такое лицо, айшир Аврахель, — она резко повернулась к нему, и её взгляд пронзил мужчину насквозь, — я прекрасно знаю, какой процент с каждого завоза товара из Тикула в нашу столицу откладывается в ваши карманы.

Упомянутый айшир побледнел, его пальцы непроизвольно сжались, а глаза метнулись в сторону стражей у дверей — словно ища пути к отступлению. Ближайшие соседи бросали на него гневные и возмущённые взгляды, словно впервые увидели в нём не уважаемого советника, а предателя.

— Но, светлейшая, — попытался вклиниться в поток ре-

чи Анны кто-то из советников, голос его дрожал, — без этой торговли нам не хватит зерна, чтобы прокормить народ зимой. Поэтому мы считаем, что нецелесообразно...

— Мы взрастим своё зерно, — твёрдо ответила Анна, перебивая его. — Увеличим объём засеваемых полей и будем сами снабжать себя всем необходимым. На это уйдёт время, но мы всё сможем — и больше не будем зависеть ни от кого. Вместо того чтобы наполнять карманы зазнавшимся толстосумам, которые нас ни во что не ставят, мы позволим своим людям самим выращивать себе хлеб.

— Но это невозможно! — воскликнул кто-то из толпы, не сдержавшись. — Нам просто не хватит полей, чтобы охватить нужный объём...

— Нина! — позвала Анна.

Помощница Повелительницы тут же понятливо кивнула и подала в руки своей госпожи заранее подготовленный документ — пергамент с чёткими строками расчётов, аккуратно сложенный и перевязанный шёлковой лентой.

— Здесь все необходимые расчёты, которые провели по моему приказу, — Анна приподняла документ так, чтобы всем было видно. Её голос звучал уверенно, почти торжественно. — Согласно им, мы сможем покрыть необходимый объём, если начнём разрабатывать и засеивать долину и нетронутые земли около реки Чештан. И это только то, что касается Центральной провинции. Сколько ещё таких мест можно разыскать, если посмотреть на все земли нашей

огромной страны?

— Позвольте, но кто захочет этим заниматься? Долина не просто так всё ещё не... — начал было возражать один из советников.

— Все остальные вопросы оставим на завтрашнее заседание, — резко оборвала его Анна, не дав закончить фразу. — На сегодня закончим встречу.

Повелительница поднялась с места. Взгляд её синих глаз, холодный и пронзительный, впился в тех самых айширов, которые выступали против разрыва отношений с Тикулом громче всех. В этом взгляде читалась не просто решимость — в нём была угроза, предупреждение.

— Господин Дэниз, — обратилась она к главе Золотого отряда, — прошу заняться этими айширами. Они подозреваются в сговоре и коррупции с недружественным нам государством.

В зале повисла тяжёлая тишина. Советники переглядывались, не решаясь поднять глаза. Кто-то нервно сглотнул, кто-то судорожно сжал подлокотники кресла. Стражи у дверей незаметно переступили с ноги на ногу, готовые действовать по первому приказу. Анна же, выпрямившись во весь рост, окинула присутствующих последним взглядом — и медленно направилась к выходу, оставляя за собой шлейф решимости и власти.

***

Как и было сказано Анной, на следующий день было

созвано собрание. Присутствующие лица выглядели озадаченными: они посматривали друг на друга с недоумением, неприязнью и даже с опаской — словно оказались в незнакомой стране, где все правила вдруг изменились. А причина была проста: сегодня проходило первое заседание нового аппарата власти.

По приказу Анны все, кто состоял в совете при прежнем повелителе, прошли жёсткую фильтрацию — тщательную, безжалостную, словно просеивание песка сквозь мелкое сито. Были созданы целые министерства, а прошедшие проверку айширы распределены в соответствии со своими способностями. Некоторых вовсе выгнали — за некомпетентность, за коррупцию, за высокомерное пренебрежение обязанностями. В то же время в совет вошли новые люди: те, кто сдал специальный экзамен и доказал свою ценность. И что особенно бросалось в глаза — не все они были столь благородного происхождения, как их предшественники.

Анна твёрдо намеревалась изменить застоявшиеся устои. Она прекрасно понимала, как тяжело ломать традиции, веками укоренявшиеся в этих стенах, — знала, сколько негатива и сопротивления встретит на своём пути. Но этому месту нужен был новый поток воздуха, свежий ветер перемен.

Ещё при правлении Джихиньяра Баладжара она замечала, как много позволяют себе айширы, входившие в состав совета лишь благодаря своему происхождению. Они были ни на что не годны, но тратили казну, кичились своим местом и

смотрели свысока на тех, кто действительно трудился. В то время как талантливые люди, не имевшие знатной родословной, были вынуждены буквально бороться за выживание.

Поэтому Анна решила уравновесить власть и влить новую кровь в жилы государства. Конечно, было много недовольных — шёпоты, косые взгляды, тайные собрания. Но всё это были неизбежные жертвы, необходимые для лучшего будущего. В конечном итоге только два человека сохранили за собой титул советника, все остальные стали министрами — людьми дела, а не пустых речей.

Теперь вместо единого совета повелителя существовало пятнадцать министерств: министерство короны и внутренних дел; министерство финансов; военное министерство; министерство юстиции и законов; министерство торговли и гильдий; министерство земледелия и продовольствия; министерство строительства и путей сообщений; горное и рудничное министерство; министерство иностранных дел; министерство веры и храмов; министерство образования и науки; министерство здоровья; министерство искусств и развлечений; министерство чрезвычайных ситуаций; министерство тайных дел.

У каждого министерства был свой глава и необходимый минимум штата для начала работы, но Анна уже планировала расширение и пополнение новыми кадрами — теми, кто готов служить стране, а не своему тщеславию.

Немало удивления вызывал и сам зал. Если раньше все

выстраивались в две шеренги вдоль дорожки к трону повелителя и были обязаны стоять всё время совета, то теперь в помещении появились столы — расставленные так же вдоль дорожки, но в шахматном порядке, чтобы главы министерств могли сидеть и работать. Рядом с каждым из них стояли небольшие аккуратные столики для секретарей. Больше не будет громоздких собраний всего совета — на заседаниях будут присутствовать главы министерств или их заместители, а рядом — по одному секретарю для ведения записей.

— Доброе утро, уважаемые айширы, — Повелительница ворвалась в зал, словно ураганный ветер, её голос прозвучал чётко и властно. — Работы предстоит много, поэтому оставим долгие приветствия.

Потерянные мужчины всё ещё топтались на месте, переглядывались, искали поддержки друг у друга. Некоторые нервно поправляли мантии, другие сжимали и разжимали кулаки, пытаясь собраться с мыслями.

Ставшая рядом с Анной, занявшей трон, Нина не смогла сдержать тихого смешка. Он прозвучал едва слышно, но, казалось, новоиспечённые министры смутились ещё больше — кто-то покраснел, кто-то опустил глаза, а кто-то сделал вид, что не заметил. И кто скажет, что всем этим мужчинам уже далеко не двадцать? В этот момент они выглядели потерянными мальчишками, впервые попавшими на серьёзное испытание.

— Не нужно стесняться, — не смогла сдержать иронич-

ной улыбки Анна, и в её голосе прозвучала лёгкая насмешка, смягчённая добротой. — Эти места подготовлены специально для вас. Министры, занимайте места, рядом с вами присядут ваши секретари. Привыкайте: с этого момента все наши встречи будут проходить именно так.

Первым решился занять своё место Коэф-младший, теперь — глава министерства финансов. Широким, уверенным шагом он прошёл к одному из столов — тому, что находился ближе всех к трону Повелительницы. С почтительным поклоном он опустил на стул, расправил мантию и поднял взгляд на Анну, словно ожидая её одобрения.

За ним, словно тень, прошмыгнул молодой парень — не многим младше самого министра. Это был Арель, новый секретарь Джарефа. В его глазах читались лёгкая опаска и дикое неверие: будто он до сих пор не мог осознать, что это происходит с ним наяву. С осторожностью парнишка провёл рукой по гладкой столешнице небольшого столика, словно проверяя, не исчезнет ли она в следующий миг. Робкая улыбка тронула его губы.

Сложив письменные принадлежности на стол, он поднял глаза — и тут же густо покраснел, поймав на себе внимательный взгляд Повелительницы. В этот момент в его душе смешались восторг и трепет: сама Анна Баладжар наблюдала за ним!

Анна, заметив его смущение, мягко улыбнулась — так, как мать улыбается ребёнку, делающему первые шаги. Этим

жестом она словно сказала: «Всё хорошо, ты на своём месте».

Следуя примеру министра финансов, остальные один за другим стали рассаживаться за столы. Кто-то делал это с достоинством, кто-то — с заметной неуверенностью, кто-то украдкой оглядывался по сторонам, привыкая к новой обстановке. Но постепенно зал наполнялся тихими разговорами, шорохом мантий и скрипом стульев.

Когда все места наконец были заняты, Повелительница поднялась с трона — не резко, а плавно, с той особой грацией, что присуща истинным правителям. В зале воцарилась тишина: все взгляды обратились к ней.

По её приказу слуги начали раздавать министрам подготовленные документы — толстые папки с пергаменами, перевязанными шёлковыми лентами. В них подробно рассказывалось, за что отныне отвечает каждое министерство, какие права и обязанности возлагаются на его главу. Краткий инструктаж министры уже получили, но здесь всё было описано куда подробнее — с указанием полномочий, процедур, отчётности и даже образцов документов.

Однако ознакомиться с этими материалами предстояло позже. Сейчас у них были совсем другие дела.

— Итак, айширы, — Анна обвела взглядом собравшихся, её голос зазвучал твёрдо, но без резкости, — приступим к работе.

Она сделала паузу, давая словам осесть в сознании мини-

стров, а затем продолжила:

— Сегодня мы закладываем фундамент нового порядка. Пусть каждый из вас помнит: вы здесь не ради почестей и не ради богатства. Вы здесь ради Аркахаллы. И пусть ваша работа будет достойна этого доверия.

В зале повисла напряжённая тишина, затем послышались сдержанные кивки и шёпоты одобрения. Министры распрямили плечи, расправили мантии — и приготовились слушать. Перемены начались.

Глава 2

Одним из первых сложных вопросов, который предстояло решить новому кабинету министров, стало утверждение закона об отмене рабства. И тут Анна, как и всегда, столкнулась с яростным противостоянием — словно волна, ударившая в скалу, но не сумевшая её сокрушить.

— Кхм... — откашлялся министр юстиции, нервно поправляя ворот мантии. Его голос прозвучал неуверенно, будто он сам сомневался в том, что собирался сказать. — Но рабство...

— Это невозможно! — громогласно перебил его министр торговли, резко хлопнув ладонью по столу.

Анна медленно обернулась и посмотрела на выкрикнувшего мужчину. Её взгляд, холодный и пронзительный, словно пронизывал насквозь. Министр нервно сглотнул — выдержать этот взгляд было почти невыносимо.

«Почему раньше, когда она была ещё всего лишь избранной наследника, никто не замечал этого? — пронеслось в голове министра. — Почему никто не понял, что из себя представляет „простая рабыня Анна“? Да все Повелители, которых я встречал на своём веку, и в подмётки не годятся этой девушке!» Возможно, именно поэтому он по собственной воле решил последовать за ней — в надежде стать частью чего-то великого.

— Что именно вы считаете невозможным? — уточнила Анна ровным, но твёрдым голосом.

— Поддерживаю... сов... министра Эрдмена, — поспешно поправился министр строительства, слегка покраснев. — Это решение повлечёт за собой массу негативных последствий. Уважаемые господа не захотят потерять свою собственность, а простой люд не захочет соседствовать с бывшими рабами. К тому же, где мы сможем разместить их всех? Только в столице рабы составляют едва ли не половину всего населения города!

— В бюджете, заложенном на этот год, просто не хватит средств, чтобы прокормить всех, — даже министр финансов Коэф-младший был не в восторге от этой идеи. Его обычно уверенное лицо сейчас выражало явное беспокойство.

— К тому же многие из них будут просто неприспособлены к другой жизни, — тихонько добавил министр здоровья, опустив глаза.

Анна переводила взгляд с одного министра на другого. Пусть они и выступали против её давней идеи, но Повелительница всё же была рада тому, что каждый из них рассматривал проблему со стороны своего ведомства. За то недолгое время, что начал свою работу кабинет министров, ещё трудно было понять, как обстоят дела в целом, но даже такие вот маленькие шаги уже задавали правильное настроение.

Раньше все советники повелителя решали одну проблему разом — оттого времени на её решение уходило больше,

как и нервов. Споры затягивались на часы, а решения часто оказывались компромиссными и половинчатыми. Сейчас же каждый был занят своим узким направлением, и дело двигалось куда быстрее.

Выступающих против отмены рабства было ещё предостаточно — голоса звучали всё громче, аргументы множились, воздух наполнялся напряжением. Но одного взгляда Анны хватило, чтобы в зале воцарилась абсолютная тишина.

Юный Айчер, секретарь Анны — талантливый молодой юноша, которого она нашла в гильдии торговли, — понятиливо взялся за перо, приготовившись записывать за своей госпожой. Его пальцы слегка дрожали от волнения, но глаза горели энтузиазмом: он чувствовал, что становится свидетелем истории.

Анна обернулась к Нине. Помощница Повелительницы кивнула и подала знак специально подготовленным слугам. Те шустро прошлись вдоль столов и разложили перед министрами заготовленные документы — толстые папки с аккуратно сложенными пергаменами. На верхних листах крупными буквами было выведено: «Проект закона об отмене рабства и план поэтапной интеграции освобождённых в общество Аркахаллы».

В зале повисла напряжённая тишина. Министры переглядывались, осторожно брали в руки документы, начинали листать страницы. Кто-то хмурился, кто-то задумчиво постукивал пальцами по столешнице, кто-то украдкой бросал

взгляды на Анну, пытаясь прочесть в её лице хоть намёк на то, какие ещё сюрпризы она приготовила.

Повелительница выдержала паузу, давая им время осознать масштаб задуманного, а затем заговорила — спокойно, но так, что каждое слово звучало как приказ:

— Господа министры, — её голос разнёсся по залу, — мы не обсуждаем возможность отмены рабства. Мы обсуждаем, *как* это сделать. Это не просьба и не предложение — это указ. И я жду от вас не возражений, а решений.

Она обвела взглядом собравшихся — и в этом взгляде читалась непреклонная решимость. Перемены начались. И они будут необратимы.

— Перед вами наброски нового закона об отмене рабства, — голос Анны звучал ровно, но в нём чувствовалась непреклонная решимость. — Отныне рабство будет запрещено в любом его проявлении. Будет запрещено неволить свободных людей, принимать в дар или дарить рабов, запрещённо неволить людей из-за долгов и тому подобное. Подробнее вы можете ознакомиться в документах. Министерству юстиции и законов надлежит подробнее рассмотреть, доработать и распространить данный закон по всем провинциям Аркабаллы.

Глава министерства юстиции, седовласый мужчина с пронизательным взглядом, принялся за чтение документа. Его пальцы скользили по строкам, губы беззвучно повторяли слова. Спустя недолгое время он оторвал взгляд от перга-

мента и снова посмотрел на Повелительницу — прямо, без страха, но с явной озабоченностью.

— Прошу прощения, светлейшая, — мягко, но твёрдо возразил он, — но я никак не могу с этим согласиться. Я, как глава министерства юстиции и законов, не могу выполнить всё вышесказанное, пока сей документ не будет одобрен семьюдесятью процентами кабинета министров. Таков порядок, установленный вашим же указом.

Анна едва заметно улыбнулась — уголок её губ дрогнул в едва уловимой усмешке. Как ни странно, но ей нравилось, что они не просто идут наперекор ей из-за личных убеждений, а опираются на установленные ею же правила. Это означало, что система работает.

— Я рада, что вы подметили это, министр, — склонила голову Анна с лёгким поклоном. — Поэтому я хочу выдвинуть этот вопрос на голосование. Но сразу после того, как я всё подробно объясню.

Повелительница поднялась со своего места — плавно, с достоинством. Она прошла к стене, на которой висела большая карта Аркахаллы, искусно вытканная на шёлке: синие нити рек, зелёные пятна лесов, коричневые линии горных хребтов.

— Как я уже сказала, перед вами всего лишь набросок нового закона, — Анна повернулась к министрам, ожидавшим её слов с напряжённым вниманием. — Сейчас я хочу объяснить, в чём именно будет состоять моя задумка.

Она провела рукой по карте, остановившись у широкой зелёной полосы в центральной части столицы.

— Итак, — продолжила Повелительница, и в её голосе зазвучала сталь, — я не собираюсь давать свободу всем подряд, как вы того подумали, айширы. Мы дадим право на свободную жизнь только тем, кто захочет жить, работая честным трудом. Их свобода не будет столь лёгкой и сладкой, как это кажется на первый взгляд. Всех желающих мы переселим в долину — вот сюда, — она указала на участок земли у подножия западных гор. — Там они сами будут строить свой город, разрабатывать и засеивать поля. Они получают инструменты, семена, начальные припасы — но не деньги и не подачки. Они будут учиться жить свободно, полагаясь на свои силы и друг на друга.

Теперь на Анну смотрели совершенно другими глазами. Взоры министров утратили прежнюю враждебность — в них читалось любопытство, расчёт, даже заинтересованность. Разговор потечёт в ином ритме: больше не спорили, а предлагали, рассчитывали, прикидывали. Кто-то достал блокнот и начал делать пометки, кто-то зашептался с соседом, обсуждая логистику, кто-то задумчиво постукивал пальцами по столу, прикидывая затраты.

С каждой минутой настроение в зале менялось. Если утром министры были категорично против этой идеи, то теперь их возражения становились всё более осторожными, а вопросы — конструктивными. Впервые они видели не уто-

пическую мечту, а чёткий план с реальными механизмами реализации.

***

Спустя две недели во дворец Повелительницы пришло письмо-извинение из Тикула. Самих извинений там была всего лишь одна строка — сухая, формальная, ничего не значащая: «Приносим извинения за некорректное поведение наших представителей».

Остальное пространство листа занимали возмущения по поводу одностороннего разрыва отношений. Король Тикула был крайне недоволен произошедшим и в недвусмысленных выражениях давал понять, что считает Повелительницу, мягко говоря, недальновидной правительницей. Письмо заканчивалось туманным предупреждением о «последствиях», которые могут наступить, если Аркахалла не пересмотрит свою позицию.

Но все эти возмущения ничего не значили для Анны. Отбросив ненужную бумагу в сторону — та, кружась, опустилась на мраморный пол кабинета, — она направилась туда, где в этот самый момент происходили действительно важные вещи.

Переодетая в простую льняную тунику и плащ без знаков отличия, Повелительница с лицом, прикрытым лёгкой вуалью, стояла немного в стороне от толпы, на краю заполненной людьми площади. Сейчас на главной площади столицы Аркахаллы было яблоку негде упасть: люди теснились, тол-

кались, переговаривались шёпотом.

Согнанные со всей столицы рабы испуганно переглядывались и жались друг к другу, словно стадо загнанных животных. Но были и такие, что выглядели абсолютно равнодушными — их лица застыли в маске покорности, глаза потухли. К сожалению, таких было едва ли не половина. Этим людям было абсолютно наплевать на всё: они уже смирились со своей участью, и им уже было без разницы, зачем их согнали сюда. Сердце Анны сжалось от боли. Рабов было так много, что казалось, здесь собралось целое человеческое море — тёмное, волнующееся, полное затаённой боли.

Рядом с Анной стояли её верные люди: Ферухе с суровым лицом и цепким взглядом, молчаливый Чоксо, проницательный Дэниз и Сайс, чьи руки всегда были готовы к действию. Они внимательно наблюдали за реакцией толпы, когда глашатай прилюдно зачитал новый закон — тот самый, что отныне запрещал порабощать людей в любом его проявлении.

Сначала люди словно не поверили в услышанное. Голоса затихли, сотни глаз устремились на глашатая. Дочитав, он отступил назад, уступая место людям из министерства короны и внутренних дел. Для них были принесены столы и письменные принадлежности. В их задачу входило временно зарегистрировать людей и объяснить им дальнейшие инструкции. Для этого дела Нина лично отбирала сотрудников — в основном девушек, тех, кто всем своим видом излучал доброжелательность, сочувствие и участие.

Но, несмотря на все их старания, никто из толпы так и не осмелился выйти вперёд. Люди до сих пор не верили в происходящее — наверняка всё это казалось им просто злой насмешкой власть имущих, очередной игрой, которая закончится новым унижением.

Спустя, казалось, целую вечность из толпы выделилась одинокая сгорбленная фигура. Шаркающим, неуверенным шагом старик подошёл к ближайшему столу. Его одежда была грязной и рваной, спина согнута годами непосильного труда, а глаза — тусклыми, но в них теплилась искра надежды.

— Здравствуйте, — по-доброму улыбнулась ему сидящая за столом девушка. Её голос звучал мягко, почти ласково. — Назовите своё имя, пожалуйста.

— Моё имя... Эддей, — хриплым голосом произнёс мужчина, с трудом выталкивая слова.

— Уважаемый Эддей, у вас есть семья?

— Ну... у меня есть женщина и дети...

— Хорошо, — кивнула девушка и шустро стала что-то записывать на пергаменте, её перо скользило по бумаге с привычной лёгкостью. — Не могли бы вы назвать их имена для регистрации?

Мужчина послушно назвал несколько имён, и девушка тут же записала их. После этого она протянула мужчине небольшую деревянную табличку.

— Это ваша временная именная табличка. Теперь вы мо-

жете пройти вон туда, — она указала рукой в сторону ворот, — и вас проведут в место вашего нового проживания.

Дрожащей рукой мужчина, который отныне стал свободным, принял табличку. Отойдя в сторону, он застыл, потрясённо глядя на простой клочок дерева с выжженными буквами. Его плечи задрожали, по грубым, изборождённым морщинами щекам потекли горячие слёзы. Не выдержав нахлынувших эмоций, он просто упал на колени.

От толпы отделилось ещё четверо — женщина и трое детей — и бросились к нему. Они обнимались, плакали и смеялись одновременно. Женщина стала громко читать молитвы и выкрикивать благодарности Рохану, а затем неожиданно — и Анне. Её голос, звонкий и полный радости, разнёсся над площадью, и люди начали прислушиваться.

Воодушевившись примером Эддея и его семьи, люди стали куда охотнее и смелее идти к столам регистрации. Вскоре возле них выстроились целые очереди: кто-то улыбался, кто-то всё ещё недоверчиво хмурился, кто-то тихо плакал. Первые телеги, загруженные людьми, двинулись по дороге из города — туда, где уже были подготовлены временные жилища для тех, кто вскоре будет строить собственный город.

Но в то же время, как и предсказывала Анна, были и такие, кто, наоборот, отступал назад. Они боялись свободы больше, чем своих хозяев — страх перед неизвестностью оказался сильнее жажды воли. А хозяева этих рабов, стоявшие поодаль, напротив, радовались такому выбору: они

надменно усмехались, перешёптывались, кивали друг другу. Что ж, это их выбор. Анна лишь слегка покачала головой, глядя на них. Свобода — это дар, но принимать его или нет — решать каждому самому.

Ещё Анна подметила мрачные и многообещающие взгляды бывших рабов — направленные на своих прежних хозяев. Зачастую это были молодые люди или всё ещё крепкие мужчины и женщины: в их глазах горела затаённая ярость, в сжатых кулаках копилась сила, годами сдерживаемая страхом и унижением. Они смотрели не просто с неприязнью — в их взглядах читалось обещание: «Теперь всё будет иначе».

Повелительница чуть заметно кивнула, указав на эту группу людей. Дэниз, стоявший рядом, мгновенно понял без слов — он склонил голову в знак понимания и отошёл в сторону, к ожидавшим его подчинённым. Несколько коротких распоряжений — и к отмеченным Анной людям ненавязчиво приблизились агенты министерства тайных дел. Они не хватали за руки, не угрожали — лишь мягко направляли, предлагали помощь, ненавязчиво отделяя тех, кто мог стать зачинщиком беспорядков, от общей массы.

Анна продолжала наблюдать за происходящим, стоя в тени арки, скрывавшей её от любопытных глаз. Она видела, как радость освобождения смешивалась с горечью воспоминаний, как улыбки сменялись ожесточёнными взглядами в сторону бывших хозяев. Видела, как некоторые хозяева, заметив эти взгляды, невольно ёжились, поправляли мантии,

отводили глаза — впервые за долгие годы почувствовав, что власть над этими людьми больше не безусловна.

Один из бывших хозяев — тучный мужчина с багровой родинкой на щеке — громко рассмеялся, пытаясь показать своё презрение. Но смех получился нервным, фальшивым, и тут же оборвался, когда трое освобождённых мужчин, только что получивших именные таблички, разом повернулись к нему. Их взгляды были холодны и тяжелы, как свинец. Мужчина побледнел и поспешно отступил в толпу своих слуг.

Понаблюдав ещё немного за этим сложным переплетением эмоций — радостью, страхом, надеждой, злобой, — Анна тихо повернулась и покинула площадь. Её шаги почти не были слышны на каменных плитах, плащ сливался с тенями, а вуаль скрывала лицо. Лишь лёгкий взмах руки — последний знак Дэнизу — и она растворилась в боковых улочках, оставив за спиной гул площади, где рождался новый мир.

В голове у неё крутились мысли: «Они ещё не знают, что свобода — это не только право, но и ответственность. Не все готовы к этому. Но мы поможем им научиться».

Воздух был свеж, пахло весной и свежей глиной от недавно положенной черепицы. Где-то вдали звенел молот кузнеца, а над крышами домов кружили голуби. Анна глубоко вдохнула и улыбнулась — впервые за долгое время она почувствовала, что движется в правильном направлении.

***

Долгожданные гости нагрянули вечером следующего дня

— когда сумерки уже окутали столицу пеленой сумрака, а фонари на улицах начали робко мерцать, разгоняя тьму.

Анна как раз сидела за массивным дубовым столом в своём кабинете, погрузившись в чтение отчёта городской стражи. Свеча трепетала на сквозняке, отбрасывая танцующие тени на стены. Как она и предполагала, некоторые из освобождённых рабов ночью тайком вернулись в столицу и напали на дома бывших хозяев — слепая ярость, копившаяся годами, вырвалась наружу.

Стража была готова к такому раскладу: патрули удвоили, посты усилили, а командиры получили чёткие инструкции. Благодаря этому нарушителей быстро поймали — обошлось лишь малым разрушением одного имения да несколькими ушибами. Хорошо хоть без жертв.

Тихий стук в дверь отвлёк внимание Анны от пергамента.

— Войдите, — негромко ответила она, откладывая отчёт.

В комнату прошмыгнула Нина — чем-то довольная, с лукавой улыбкой на губах и блеском в глазах. Её шаги были почти бесшумны, словно она только что услышала самую восхитительную тайну.

— Там один интересный мужчина жаждет встречи с тобой, — объяснила своё появление девушка, едва сдерживая улыбку.

Анна вопросительно подняла бровь и обратила взор к окну. На горизонте едва теплилась светлая полоса — последний отблеск заходящего солнца. Время было уже давно не

для гостей, и это настораживало.

— И кто же этот настойчивый господин? — с лёгкой иронией в голосе спросила Повелительница.

— Кажется, у него довольно заметный хортыйский акцент, — с лукавым блеском в глазах ответила помощница, чуть склонив голову набок.

Заинтересованная, Анна отложила бумаги в сторону. Этой встречи она ждала — давно, терпеливо, с холодным расчётом.

— Его кто-нибудь видел? — уточнила она, стараясь скрыть волнение за ровным тоном.

— Обижаете, светлейшая, — поправила волосы Нина, её улыбка стала ещё шире. — Куда его пригласить?

— В гостиную.

— Ты уверена? — с сомнением спросила помощница Повелительницы, чуть нахмурившись. — Это всё же король Хорты. Не стоит принимать его в столь... неофициальной обстановке.

— Ну ты ведь сделаешь так, что никто ничего не узнает? — вернула шпильку Анна, слегка приподняв уголки губ.

Нина хмыкнула и, улыбаясь, покачала головой.

— Волосы распусти, — перед выходом из комнаты бросила она через плечо, не обращая внимания на недовольное фырканье госпожи.

Анна поднялась с места. Наконец загадочный король Хорты дал о себе знать. Интересно, с какой целью он пришёл

сюда? Какую тактику общения лучше всего принять? В ожидании она обвела взглядом комнату — всё было привычно и знакомо: тяжёлые шторы, книжные полки, карта королевства на стене.

Её взгляд упал на собственное отражение в зеркале. Платье простого покроя, волосы, собранные в косу. Несколько прядей выбились, обрамляя лицо. Честно говоря, если бы кто-то, не зная её, увидел Анну сейчас, вряд ли принял бы за Повелительницу самой большой страны на материке.

Рука девушки метнулась к косе. Может, и правда распусть, как того и сказала Нина? Она замерла на мгновение, взвешивая. Нет. Анна покачала головой и опустила руку. Глупые мысли. Она не соблазнять его собралась, а налаживать отношения с дружественной страной — стратегически важные, жизненно необходимые.

Когда мужчина вошёл в гостиную, Повелительница сидела за небольшим резным столиком и разливала по изящным фарфоровым чашкам ароматный чай. Лёгкий пар поднимался над посудой, наполняя комнату тёплым, пряным запахом.

— Этот чай выращивают высоко в горах, — не отвлекаясь от процесса, заговорила Анна. Её движения были плавными и точными, словно она исполняла древний ритуал. — Если соединить его с цедрой лимона и добавить немного мёда, получается необыкновенный вкус. Прошу, ваше величество, присаживайтесь.

Король Хорты молча прошёл к предложенному месту.

Присев в глубокое кресло с резными подлокотниками, он скинул капюшон с головы — и Повелительница наконец смогла увидеть его лицо. Оно оказалось весьма знакомым, и в душе Анны шевельнулось подтверждение давней догадки.

Одно из первых самостоятельных поручений, которые Повелитель Джихиньяр поручил своему истинному наследнику — мензину Одашу, — было встретить посольство Хорты. Анна тогда сопровождала своего господина при этой встрече. Среди троицы гостей из Хорты выделялся самый молодой и загадочный — с пронзительным взглядом и сдержанной манерой держаться. Ещё тогда Анна заметила его необычную ауру, некую внутреннюю силу, скрытую за внешней скромностью. Оказалось, то был самый настоящий наследник короля.

— Судя по вашему взгляду, вы меня узнали, светлейшая, — низкий бархатный голос с едва заметным хортийским акцентом заставил мурашки пробежать по спине девушки.

— Если можно так сказать, — ответила Анна, слегка улыбнувшись в ответ. — К сожалению, я до сих пор не знаю вашего имени.

— Моё упущение, госпожа, — покаянно склонил голову мужчина, и в этом жесте не было ни капли фальши. — Эманель Абрах Кусейн к вашим услугам.

Повелительница почтительно склонила голову, выражая таким образом своё почтение. Мужчина улыбнулся каким-то своим мыслям и протянул руку к чашке с чаем. При-

губив немного ароматного напитка, он снова обратил взгляд своих зелёных глаз на Анну — глубоких, как горные озёра, и таких же загадочных.

— Действительно, приятный вкус, — похвалил он, и в его голосе прозвучала неподдельная искренность.

— Ваше величество... — начала было Анна.

— О, прошу вас, — мягко перебил её Эманель, слегка подняв ладонь. — Я здесь не с официальным визитом. Давайте оставим все эти условности.

Анна на мгновение замерла, взвешивая его слова.

— Я не против, — кивнула она. — Но всё же хотелось бы знать, чего вы ожидаете от этой встречи. — Повелительница не стала ходить вокруг да около, её голос звучал прямо и твёрдо.

— Всё просто, — пожал плечами король и непринуждённо откинулся на спинку кресла, нарушая все мыслимые правила этикета. — Я пришёл сюда, чтобы завести с тобой дружбу.

От Анны не укрылось, как легко и спокойно мужчина перешёл на панибратский тон. Начиная с этого и заканчивая его позой — расслабленной, почти вызывающей, — всё это было грубейшим нарушением придворного этикета. Он, как мужчина и король другой страны, в присутствии главы целого государства просто не имел права так себя вести.

Но почему-то Анна чувствовала, что он не пытается её обидеть, унижить или подставить. Это было действительно

странно. Она видела его едва ли не второй раз в жизни, разговаривала и то впервые, но отчего-то полностью доверялась ему. Он располагал к себе — открытостью, простотой, какой-то внутренней честностью, что пробивалась сквозь внешнюю непринуждённость. И она не собиралась из-за этого негодовать. Напротив, в душе у неё шевельнулось что-то похожее на облегчение: наконец-то разговор без масок и церемоний.

В комнате повисла короткая пауза. За окном догорал закат, окрашивая небо в пурпурные и золотые тона. Свеча на столе чуть колыхнулась от сквозняка, бросив причудливые тени на стены.

— Интересное предложение, — склонила голову набок девушка, и в её глазах мелькнула искорка любопытства. — Но между нашими странами и так довольно неплохие отношения.

— Да брось, — насмешливо фыркнул мужчина, небрежно махнув рукой. — Ты прекрасно поняла, что я имел в виду.

— Меня и себя? — лукаво улыбнулась Анна, чуть прищурившись.

Эманель просто кивнул — коротко и уверенно. Настала очередь Анны пить чай. Она смотрела на мужчину напротив поверх чашки, задумчиво вращая её в пальцах. Какую именно дружбу он имел в виду? И чем это ей может грозить? В голове роились вопросы, но она держала лицо — спокойное, непроницаемое.

— Скажу сразу, я не пытаюсь навязать что-либо и не предлагаю дружбу в постели, — замахал руками Эманель, и в его голосе прозвучала искренняя серьёзность.

— Не знаю даже, — протянула Анна, возвращая чашку обратно на стол с лёгким стуком, — огорчаться мне или радоваться?

Король Хорты тихонько рассмеялся — искренне, от души. Ему понравилась эта небольшая шутка Анны, и в смехе его не было ни капли высокомерия, только лёгкость и теплота.

— И всё же, — продолжила Анна, отбросив формальности и глядя ему прямо в глаза. — С чего вдруг такое предложение? Сам понимаешь, это выглядит немного странно. Король целого государства тайком лично прибывает к своим соседям, некоторое время проводит, гуляя по улицам столицы, потом ночью приходит к Повелительнице и предлагает дружбу. Хотелось бы знать, в чём подвох.

Эманель Кусейн сел, уперев локти в колени. Взгляд его зелёных глаз, глубоких и пристальных, упёрся в лицо Анны. Казалось, он рассматривал каждую её черточку, каждый изгиб — словно пытался прочесть в её чертах ответы на одному ему известные вопросы.

— Ты привлекла моё внимание ещё тогда, — заговорил он тихо, почти шёпотом, — когда преданной тенью стояла за спиной своего господина. Красивая малышка, которая, меж тем, не смутилась, не отвела взгляд, как того требовалось. Напротив — гордо держа голову, ответила тем напыщенным

идиотам. — Взгляд мужчины расфокусировался, будто мыслями он вернулся в тот самый солнечный день в порту. — Но куда больше меня привлекло твоё яростное желание спасти мальчишку-раба.

Анна тоже вспомнила тот день — ярко, до мельчайших деталей. Тогда, не иначе как по велению богов, она увидела Сайса в торговой лавке с посудой. Сейчас, глядя на этого молодого крепкого мужчину, в нём бы никто не узнал того измученного, израненного и худого мальчишку, каким она забрала его у хозяина лавки.

— Всё не так уж красиво, как выглядит, — честно призналась Анна. — Я знала Сайса. Когда-то он вместе со своей бабушкой сильно помог мне и моему другу. Поэтому я просто не могла остаться в стороне.

— Не нужно, — покачал головой Эманель. — Ты сделала бы это, будь там даже незнакомый тебе человек. Это было видно по твоему взгляду. По тому огню, который пылал в твоих глазах. И ведь не даром в ту же ночь твой страж отправился в бараки рабов, а на следующий день ты лично уже была там.

Вот теперь ему удалось сильно удивить Анну. Она широко распахнула глаза — на мгновение маска спокойствия дала трещину, — но тут же быстро взяла себя в руки и стала совершенно спокойна, лишь пальцы чуть крепче сжали край стола.

— Неужели наследник Хорты следил за мной? — спроси-

ла она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Каюсь, было такое дело, — кивнул мужчина, и в его улыбке промелькнула лёгкая виноватость. — Просто мне не хотелось, чтобы та храбрая малышка пострадала по собственной глупости. Возможно, именно этим простая девушка Анна и смогла меня покорить. С тех пор я очень внимательно следил за тобой. И ни капли не удивился, и искренне был рад, когда ты стала тем, кем являешься сейчас. И... мне жаль твоего ребёнка.

На это Анна ничего не ответила. Честно говоря, не такого она ожидала. Она подозрительно посмотрела на сидящего перед ней мужчину — но не с гневом, а с растерянностью, которую тут же постаралась скрыть. В груди что-то дрогнуло: впервые за долгое время кто-то говорил с ней так открыто, без масок и уловок. И от этого становилось одновременно тревожно и... приятно.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь тиканьем старинных часов в углу. За окном шелестели листья, а свеча на столе едва заметно колебалась, отбрасывая танцующие тени на стены. Анна глубоко вздохнула, собираясь с мыслями.

— Значит, ты следил за мной всё это время? — наконец произнесла она, и в голосе её прозвучала не угроза, а скорее удивление и попытка осознать услышанное.

Эманель не отвёл взгляда.

— Следил, — подтвердил он просто. — И ни разу не пожалел об этом.

— Знаю, что это выглядит весьма подозрительно, — Эманель снова откинулся на спинку кресла, и на мгновение в его позе проступила та же непринуждённая небрежность, что и раньше. Но взгляд, обращённый в никуда, выдавал глубину воспоминаний. — Но моё желание о дружбе между нами — оно искреннее и исходит от самого сердца. Чтобы поверить в это, я немного расскажу о себе.

Он сделал паузу, словно взвешивая, с чего начать. Свеча на столе чуть колыхнулась, бросив трепетный отблеск на его лицо — на мгновение тени подчеркнули резкость скул, глубину глазниц.

— Я — сын короля Хортии и его второй супруги, Мирель. Она покорила сердце короля с первого взгляда. Его отношения с первой супругой давно были на грани. После нескольких неудачных беременностей, после странной смерти трёх дочерей король берёт и опекал Мирель, которая забеременела. Он держал её в отдалённом дворце — никто не имел права туда войти, кроме него и нескольких доверенных лиц.

Эманель сжал пальцы в замок, и Анна заметила, как побелели костяшки.

— Когда Мирель родила, ребёнка якобы похитили. И до самых своих последних дней король утверждал, что так и было. Хотя на самом деле... меня просто отдали на воспитание служанкам. Воспитывали как одного из мальчиков-лакеев.

Он помолчал, затем поднял глаза на Анну — в них читалась горькая усмешка.

— И знаешь, почему я всё это вспоминаю? Потому что Мирель, моя мать, была рабыней. Её продали за долги и выставили на торги на рынке Оттаморы. Думаю, ты не понаслышке знаешь, что это такое.

Анна невольно кивнула. Да, она знала. Слишком хорошо знала. Но Эманель был прав: она нашла в себе силы жить дальше. Правда, не сказала бы ему, что двигало ею тогда — жгучее желание мести, которое, словно раскалённый клинок, жгло изнутри.

— К сожалению, моя мать оказалась не такой сильной, как ты, — продолжил Эманель тихо. — Пребывание в рабстве сказалось на её ментальном здоровье. Скажем так, я редко видел в бормотавшей что-то под нос и раскачивающейся из стороны в сторону девушке мать. В редкие моменты разум возвращался к ней, и она могла признать во мне своего ребёнка. Эти моменты стали одними из самых ярких в моём детстве. Но их было так мало...

Анна не могла не согласиться. Она действительно понимала эту девушку как никто другой. В груди защемило — воспоминание о собственных унижениях, о цепях, которые когда-то сковывали не только тело, но и дух, на мгновение обожгло её. Она сама не заметила, как сильно сжала подлокотники кресла и подалась вперёд, словно пытаясь приблизиться к чужой боли, разделить её.

— Мне было четырнадцать, когда я узнал правду о своём происхождении, — продолжил мужчина, и голос его зазвучал

чал жёстче, твёрже. — Старый король, наверное, никогда даже и представить не мог, что его схватит за горло собственный сын. Тогда в Хорте отменили рабство, а я дал себе слово, что когда-то сотру с лица земли и всю Оттамору. Кстати, твоя идея с рабством выше всяких похвал. Я тогда до такого додуматься не смог.

Взгляд зелёных глаз снова упёрся в Анну — прямой, открытый, без тени лукавства. Странно, но почему-то она чувствовала, что может ему довериться. В этом взгляде не было ни расчёта, ни игры — только искренность, выкованная годами боли и борьбы.

«Если настанет момент, когда я пожалею об этом доверии, — мелькнуло в голове у Анны, — тогда я найду в себе силы и заставлю его за всё заплатить». Но сейчас, в этот миг, она вдруг осознала, что впервые за долгое время говорит с кем-то без масок, без дипломатических уловок — как человек с человеком.

В комнате повисла тишина, наполненная дыханием прошлого. За окном догорал закат, окрашивая небо в багряные тона. Эманель слегка наклонился вперёд, и в его глазах Анна увидела отражение собственных мыслей — тех, что редко позволяла себе озвучивать даже в самых сокровенных мечтах.

— Ты понимаешь, о чём я говорю, Анна? — тихо спросил он.

Она медленно кивнула.

— Понимаю, — ответила она так же тихо. — И, кажется, начинаю верить.

***

В тот вечер Повелительница говорила с королём Хорты едва ли не до рассвета. Пламя свечи, уже давно склонившееся к финалу своего пути, бросало дрожащие блики на стены, очерчивая причудливые тени, которые, казалось, тоже прислушивались к разговору.

Кто-то мог бы удивиться, узнав, что Эманель оказался таким интересным собеседником — умным, проницательным, с острым чувством юмора и глубоким пониманием жизни. Но ещё больше поразило Анну то, как во многом их мнения и взгляды совпадали: они одинаково видели проблемы своих народов, одинаково мечтали о справедливом устройстве мира, одинаково понимали цену свободы и ответственности.

Они говорили о политике, о торговле, о рабстве и его последствиях, о том, как выстроить систему, которая не будет калечить души. Обсуждали образование, развитие ремёсел, укрепление границ — и всё это переплеталось с личными историями, воспоминаниями, откровениями.

Тогда же они договорились: будут стараться и стремиться сделать всё для развития своих стран и поддержания дружбы между ними. Не просто формального союза, скреплённого пергаментами и печатями, а настоящей, живой связи — основанной на доверии, взаимопонимании и общей цели.

Когда Эманель так же тихо и незаметно покинул покои

Анны, она ещё долго стояла у окна, глядя на дверь, за которой только что исчез силуэт короля. В голове снова и снова прокручивались фрагменты разговора — слова, интонации, взгляды, паузы. Одна мысль, зацепившаяся где-то на краю сознания, не давала покоя, свербела, не позволяла расслабиться.

Даже когда она, под громкое ворчание Ферухе («Светлейшая, вы опять не спите? Да сколько можно!»), наконец легла в постель, мысль не отпускала. Она крутилась, ворочалась, цеплялась за воспоминания, подбрасывала новые вопросы.

Наконец, не выдержав, Повелительница вскочила с места. Сон, который и так был хрупким, развеялся, словно дым. Набросив на плечи тёплую шаль, она почти бегом направилась в комнаты своей помощницы, не проспав и пары часов.

— Мне, конечно, лестно, что ты думаешь обо мне, но не в такое же время, — зевая и протирая глаза, ворчала Нина. Она только что задремала, и её волосы в беспорядке разметались по подушке.

Анна привычно пропустила ворчание мимо ушей и прошла в спальню. Её глаза горели тем самым огнём, который Нина хорошо знала — знаком того, что госпожа что-то задумала.

— Как продвигаются дела с гаремом? — без предисловий задала она вопрос, усаживаясь на край кровати.

Нина удивлённо вскинула брови. Бросив взгляд в окно — там, на горизонте, едва заалела полоска света, предвестница

нового дня, — девушка растерла лицо руками. Высказывать своё недовольство Анне не было никакого смысла. Если уж что-то пришло ей в голову, эту мысль не выбить ничем.

— Пока медленно, — осторожно ответила Нина, садясь и подтягивая колени к груди. — Мы собрали списки, завершили проверку их происхождения и здоровья, начали распределять их по месту работы... Но до окончательного решения ещё далеко.

Анна улыбнулась — не широко, а так, чуть заметно, с хитринкой.

— У меня есть одна идея, которая, несомненно, тебя заинтересует, — сказала она, и в её голосе прозвучала уверенность.

Нина вздохнула, но в глазах её уже загорелся интерес. Она знала: когда Анна говорит таким тоном, стоит приготовиться к чему-то необычному.

Глава 3

В тот день Повелительница возвращалась из главного храма Рохана во дворец — медленно, устало, с тяжёлой думой на сердце. День выдался изматывающим: долгие молитвы, толпы просителей, душные покои храма, где воздух казался густым и липким от благовоний. Поездка верхом под палящим солнцем не добавляла настроения — пот стекал по вискам, доспехи стражи звенели за спиной, а жар раскалённого камня мостовой поднимался вверх, обдавая жаром даже сквозь подбитую тканью накидку.

Да ещё и стража доложила о вспыхнувшем конфликте на северной границе столицы: какие-то торговцы из дальних земель вступили в стычку с местными, дело дошло до оружия, толпа начала расти, грозя перерасти в бунт. Дэнизу лично пришлось отправиться туда для урегулирования ситуации. Он оставил с Повелительницей нескольких своих лучших стражей, а с остальными помчался за доложившим о ситуации дозорным — пыль ещё долго висела в воздухе после их стремительного отъезда.

Анна со своими людьми преодолела большую половину пути, когда заметила что-то подозрительное. На улице не было ни единой души. Время было за полдень, жара пошла на спад — обычно в эти часы аркахаллонцы выходили на улицы: ремесленники возвращались с обеда, дети бегали между

лавками, торговцы перекрикивались, зазывая покупателей. Но сейчас — тишина. Даже собаки не лаяли, даже голуби не кружили над крышами.

Лошадь, на которой восседала Повелительница, будто почувствовав волнение своей наездницы, начала нервно оглядываться и фыркать, переступая копытами. Анна переглянулась с ближайшим стражем — высоким, суровым Баалом, чьё лицо было испещрено шрамами. Мужчина кивнул на её молчаливый приказ и подал остальным знак: приблизиться к госпоже, быть наготове.

Свист летящей стрелы Анна услышала слишком поздно.

Стрела с глухим стуком вонзилась в грудь одного из стражей. Мужчина замертво свалился с лошади, и его тело с тяжёлым звуком ударилось о камни мостовой. Остальные мгновенно схватились за оружие — мечи блеснули на солнце, щиты поднялись. Где скрылся стрелок, было непонятно: ни шороха, ни движения, только тишина, ставшая вдруг зловещей.

Один из стражей прищипорил лошадь и резко обернулся к Анне:

— За мной! — крикнул он, и в голосе его не было паники, только холодная решимость.

Поток стрел продолжался — они свистели над головой, впивались в стены домов, звенели о камни. Вскоре за ними появилась погоня: из-за угла выскочили вооружённые фигуры в тёмных плащах, с луками наперевес. Анна молча следо-

вала за стражем, пригнувшись к шее лошади, чувствуя, как ветер свистит в ушах, а сердце бьётся где-то в горле.

Они мчались по улицам, сворачивали, петляли, но стрелы не отставали. Наконец, они уперлись в узкий переулок — настолько тесный, что на лошадях там было не проехать.

— Спешиваемся! — бросил Баал, прыгивая на землю.

Анна последовала его примеру. Они нырнули в узкое пространство между домами — стены почти смыкались над головой, тени здесь были густыми и холодными. Некоторое время они бежали, задыхаясь, слыша за спиной топот ног и крики преследователей.

Выскочив из переулка, они оказались на довольно широкой улице — но перед ними возвышалась каменная стена. Тупик.

Баал выругался сквозь зубы. Двое стражей заняли позиции, прикрывая Анну, обнажили мечи. Дыхание сбивалось, в висках стучало, но разум оставался холодным.

— Назад! — коротко бросил Баал. — В переулок, попробуем обойти!

Но было поздно: из-за угла уже показались первые фигуры в тёмных плащах. Стрелы снова засвистели в воздухе.

Анна подняла голову. Над стеной виднелась черепица крыши соседнего дома — высокая, крутая, но, возможно, единственный путь к спасению.

— На крышу, — тихо, но твёрдо сказала она. — Там сможем оторваться.

Стражи переглянулись, но спорить не стали. Один из них подставил руки, помогая Анне забраться на выступ стены. Баал последовал за ней, остальные прикрывали отход.

Когда они вскарабкались на крышу, Анна обернулась. Преследователи уже были внизу, но пока не решались лезть вверх. Солнце слепило глаза, ветер трепал волосы, а внизу раскинулся город.

«Кто же это?» — мелькнуло в голове у Анны. Но времени на раздумья не было.

— Идём вдоль крыш, — приказала она. — К храму Роха-на. Там люди, там безопасность.

И они двинулись вперёд — осторожно, но быстро, перепрыгивая с одной черепичной волны на другую, оставляя позади опасность и приближаясь к спасению.

***

Нина мчалась по коридорам дворца — стремительно, почти не касаясь пола, словно её гнал по пятам сам ветер тревоги. Полы лёгкого платья развевались за спиной, волосы выбились из причёски, а в глазах застыл неподдельный страх. Люди, попадавшие на пути, инстинктивно отскакивали в сторону, освобождая ей дорогу: они видели, что случилось нечто серьёзное.

За помощницей по пятам бежала взволнованная и даже испуганная Ферухе — её обычно суровое лицо сейчас искажала тревога, руки непроизвольно заламывались, а губы беззвучно шевелились, будто она шептала молитвы. Ново-

сти, которые достигли их, были просто ужасными: на Повелительницу напали, её жизнь в опасности, и никто не знал, жива ли она сейчас.

Обе девушки выскочили во двор — резкий контраст тишины коридоров и открытого пространства заставил их на мгновение замереть. Они с надеждой огляделись по сторонам, ловя каждый звук, каждый отблеск движения. Именно в этот момент во двор въехал Ардэн Тадж с несколькими своими приближёнными воинами. Его конь, мощный и горячий, нервно переступал копытами, фыркал, отряхивал гриву. Доспехи генерала поблёскивали на солнце, а лицо, обычно спокойное и уверенное, сейчас было напряжено.

Нина бросилась ему навстречу — не шла, а почти летела, спотыкаясь на неровностях брусчатки.

— Ардэн! — воскликнула она, привлекая внимание мужчины, и голос её дрогнул на последнем слоге.

Генерал спешил одним плавным движением — быстро, чётко, без лишней суеты. Обернувшись к взволнованной подруге, он внимательно посмотрел на неё, затем перевёл взгляд на Ферухе: та стояла чуть позади, заламывая руки, глаза её были полны слёз, губы дрожали. Ардэн нахмурился — между бровей пролегла глубокая складка.

— Что случилось? — спросил он низким, напряжённым голосом.

— Анна! На неё напали! — на одном дыхании воскликнула Нина, и слова вырвались из неё, как прорвавшаяся плоти-

тина. — Её окружили, обстреляли стрелами... Она была со стражами, но их было слишком мало...

Ардэн с силой сжал поводья — так, что побелели пальцы, а конь под ним недовольно фыркнул, почувствовав напряжение хозяина.

— Где Дэниз? — резко спросил он, и в голосе прозвучала сталь.

— Он на окраине столицы. Там... там тоже конфликт, он уехал разбираться лично, оставил с Анной стражей...

— Он оставил её одну?! — зарычал Ардэн, и в этом рыке прозвучала такая ярость, что девушки испуганно отшатнулись назад. Нина могла поклясться, что впервые видела своего давнего друга таким — лицо исказилось от гнева, глаза сверкнули, как молнии перед бурей.

Не теряя ни секунды, Ардэн молнией взлетел обратно в седло. Его движения были быстрыми, отточенными, лишёнными всякой суеты — только холодная решимость. Он резко обернулся к своим воинам и подал знак: короткий, чёткий жест рукой, и те мгновенно приготовились к выезду.

— Где? — коротко бросил он, уже разворачивая коня.

— Северная дорога к главному храму! — быстро отчиталась Нина. Последние слова она прокричала ему в спину — Ардэн уже прищепил коня, и тот рванул вперёд, поднимая клубы пыли.

Воины последовали за ним — грохот копыт эхом разнёсся по двору, звон металла, ржание лошадей.

Девушки остались стоять во дворе, среди клубов пыли, поднятых копытами воинов. Обе затаили дыхание, вцепившись друг в друга, в надежде, что помощь подоспеет вовремя и дорогой для них человек вернётся к ним в добром здравии. Солнце, ещё недавно такое яркое, вдруг показалось им холодным и равнодушным, а тени — слишком длинными и зловещими.

Ферухе сжала руку Нины так крепко, что костяшки побелели.

— Помоги ей, Рохан, — прошептала она, глядя вслед исчезающему отряду. — Убереги нашу Повелительницу.

***

Анну и её стражей теснили в угол — медленно, методично, словно загоняя зверя в ловушку. Нападающих было в три раза больше, и, будь её воины сколь угодно искусны в бою, количество всё равно играло свою зловещую роль. Каждый шаг назад отнимал последние крохи надежды, каждый взмах меча врагов приближал неизбежное.

Когда последний из стражей пал — Баал, с мечом в руке и взглядом, всё ещё обращённым к госпоже, — Анна поняла: спасения ждать неоткуда. Спиной она упиралась в шершавую каменную стену, холодную и безжалостную. Вокруг — глухие стены домов, слепые окна, мёртвая тишина. Даже если закричать, вряд ли кто-то услышит и придёт на помощь. Город словно затаил дыхание, наблюдая за этой сценой из-за закрытых ставен.

Нападающие, лишившись последних препятствий, расслабились. Они расхаживали перед Анной, гадко улыбаясь, демонстративно раскачивая мечами — то один, то другой, будто дразня. Их движения напоминали игру котов с загнанной мышкой перед последним прыжком: они наслаждались страхом, предвкушали момент, когда жертва сломается.

— Ваши люди мертвы, — язвительно, по слогам проговорил предводитель этой шайки. — Думаю, вы уже догадались, что вас ждёт та же участь. Верно? По-ве-ли-тель-ни-ца...

В отличие от остальных, его лицо было спрятано под чёрной маской — грубой, кожаной, с прорезями для глаз. Голос из-за ткани звучал глухо и незнакомо, искажённо, словно доносился из-под воды. Анна вдруг поймала себя на мысли, что будет жаль не узнать, от чьей руки она умрёт. Кто этот человек? Что им движет? Ненависть? Жажда наживы? Или просто слепая жестокость?

— Было бы неплохо перед этим хорошенько повеселиться, — бросил кто-то из толпы, и остальные поддержали его хриплым смехом. — Интересно узнать, что скрыто под этими тряпками...

Посыпались грязные шутки — такие, какие Анне уже доводилось слышать во времена пребывания в доме работорговца. Те слова, что резали глубже любого клинка, будили в памяти тёмные воспоминания, но она не позволила им сломить себя.

— Но мне несколько раз повторили, что если я сделаю это,

то гонорар урежут, — продолжил наёмник, нарочито растягивая слова. — А что я люблю больше девушек? Деньги, конечно.

Его люди снова рассмеялись — грубо, хрипло, с удовольствием.

Анна наблюдала за ними. Если они надеялись увидеть её слёзы или услышать мольбы о пощаде — они ошиблись. Она умрёт с гордо поднятой головой, глядя в глаза смерти без страха.

— Сочувствую вашему горю, — холодно бросила Анна, имея в виду угрозы об урезанном гонораре. Её голос прозвучал ровно, почти насмешливо.

Предводитель остановился и внимательно посмотрел на неё. Поведение Анны ему явно не нравилось. Даже не видя его лица, она могла поклясться, что он недовольно хмурится и поджимает губы под маской. В его позе появилась напряжённость, в движениях — резкость.

— Прощай, Повелительница, — бросил он в следующую секунду и замахнулся мечом.

Лезвие сверкнуло в угасающем свете дня — стремительно, неотвратно. Анна сжала кулаки, приготовившись к боли. Она хотела быть храброй, смотреть смерти в лицо — но в последнюю секунду всё же не выдержала и закрыла глаза. Ресницы дрогнули, дыхание замерло. Прошла секунда, вторая... Боли не было. Вместо неё слух Анны тронул чей-то хрип — короткий, задушенный, полный муки.

Девушка резко открыла глаза — и перед ней предстала картина, от которой кровь застыла в жилах. Прямо перед ней, раскинув руки в стороны, стояла женщина. Её лицо искалось от боли, губы дрожали, а в глазах читалось последнее усилие — усилие защититься. Откуда она взялась? Когда успела подбежать? Анна не знала. Единственное, что она поняла в этот миг: эта женщина приняла на себя удар, предназначенный ей.

Женщина стала падать — медленно, словно время замедлилось. Анна инстинктивно рванулась вперёд, подхватила её, не дав рухнуть на пыльную брусчатку. Вес тела оказался неожиданно лёгким — будто жизнь уже наполовину покинула эту женщину. Ругань наёмника, яростная и злобная, прошла мимо ушей Повелительницы. Она смотрела только на лицо той, кто принял за неё смерть.

Анна вспомнила её. Видела много раз в храме Рохана — женщина молилась у алтаря, склоняла голову перед статуей, подавала милостыню нищим у ворот. Но имени её Анна не знала. Теперь оно так и останется тайной.

Незнакомка взяла Анну за рукав платья и попыталась что-то сказать. Её губы шевелились, силясь вытолкнуть слова, но из горла послышался лишь хрип — булькающий, страшный. Потом звук затих совсем. Глаза женщины медленно закрылись, рука безвольно упала на землю, оставив на ткани платья тёмное пятно крови.

Анна широко распахнутыми глазами смотрела на уже

мёртвую женщину в своих руках. В груди что-то оборвалось — не просто горе, а острая, разрывающая боль вины. Она чувствовала себя так, будто её оглушили ударом в висок. Всё происходящее виделось словно через мутное стекло: размытые фигуры, приглушённые звуки, искажённые лица.

И тут она услышала топот ног, крики — не злобные, а яростные, полные праведного гнева. На напавших на неё убийц отовсюду хлынули люди. Простые горожане, рабочие, ремесленники — те, кого она считала тихими и покорными. У них не было оружия, но они шли в бой. В руках держали кто что: сковороду, тяжёлую и чугунную, палку с зазубринами, метлу с обломанными прутьями, обломок забора, ржавый серп. Их лица были искажены решимостью — не страхом, а гневом, годами копившимся в душах.

Рядом с Повелительницей встал молодой парнишка — лет тринадцати, не больше. Простая одежда из грубой ткани, стоптанные башмаки, в глазах — недетская твёрдость. На шее, чуть ниже линии волос, виднелся старый, давно затянувшийся, но оставшийся на всю жизнь шрам от рабского ошейника. Он протянул руку к Анне.

— Повелительница, уходите! — воскликнул мальчик, и голос его дрожал не от страха, а от напряжения.

Анна всё ещё пребывала в каком-то оцепенении. Смерть женщины выбила её из колеи, лишила опоры. Она чувствовала себя потерянной, оглушённой, будто мир вокруг вдруг перестал подчиняться законам реальности.

— Повелительница! — снова воскликнул мальчишка, на этот раз громче, настойчивее. — Сюда! Быстрее!

Его голос прорвался сквозь пелену шока. Анна с трудом перевела взгляд с безжизненного лица женщины на лицо мальчика. В его глазах она увидела то, чего не ожидала: не мольбу, а приказ. И в этом приказе читалась вера — вера в неё, в Повелительницу, которая должна жить, чтобы вести их вперёд.

Видя, что реакции никакой нет, малец выругался сквозь зубы и схватил её за руку — резко, почти грубо, — потянул на себя.

— Идёмте же! — прошипел он, и в его голосе прозвучала отчаянная решимость.

Оставив тело женщины, Анна с трудом поднялась. Ноги дрожали, в груди всё ещё клубилась боль утраты, но парнишка уже тащил её за собой — быстро, настойчиво, не давая опомниться. В обход дерущихся, спотыкаясь о камни мостовой и едва не налетая на сцепившихся бойцов, они пробирались к выходу из тупика — туда, где виднелся узкий просвет между домами, обещавший спасение.

Кто-то из убийц заметил их побег и громко крикнул об этом. Главарь шайки выругался — глухо, яростно — и, отразив удар очередного горожанина, рванул за ними.

Мальчик, который вёл Анну, заметил это. Толкнув Повелительницу вперёд, он встал перед ней, выставив перед собой простую деревянную палку — единственное своё ору-

жие.

Простая деревянная палка в руках худого мальчишки против вооружённого взрослого мужчины. В иных обстоятельствах это могло бы показаться смешным, нелепым — но Анне было совсем не до смеха. Она смотрела на эту хрупкую фигуру, заслонившую её собой, и сердце сжималось от боли и благодарности.

Она понимала: этот незнакомый ей мальчик, как и та женщина, готов прямо сейчас расстаться со своей жизнью ради неё.

Но это... это было неправильно. Никто не должен умирать за неё. Тем более ребёнок, который только начал жить, чьи глаза ещё светились наивной верой в справедливость мира.

Анна рванула в его сторону — хотела оттащить, прикрыть собой, заслонить от опасности. Но в этот миг их ушей достиг глухой, нарастающий стук копыт.

И нападающие, и защищающиеся невольно обернулись в сторону выхода из тупика. Небольшая группа всадников с Ардэном во главе врезалась в толпу, словно раскалённый клинок в мягкое масло. Сверкнули мечи, раздались крики — и, поняв, что пришла подмога, простой люд тут же разбежался в стороны, освобождая воинам дорогу.

Наёмники стали падать один за другим, сраженные точными ударами генерала и его людей. Стоящий перед Анной мальчишка облегчённо выдохнул, опустил палку и вытер пот со лба. Спасение пришло.

Расстояние между Анной и Ардэном стремительно сокращалось. Генерал двигался вперёд, его меч сверкал в угасающем свете дня, а глаза горели холодной яростью. Никому из наёмников не удалось спастись от карающего клинка — они падали, отступали, пытались бежать, но тщетно.

Между ними оставалось всего каких-то несколько шагов, когда сквозь лязг стали и крики борьбы послышался резкий свист летящей стрелы.

Острая, пронзительная боль пронзила левый бок Анны — словно раскалённый гвоздь вонзился в плоть. Она вздрогнула, невольно схватилась за рану, чувствуя, как под пальцами быстро разрастается влажное, горячее пятно.

Стоящий рядом мальчишка обернулся — его глаза, широко распахнутые от испуга, уставились на быстро расплзающееся пятно крови на одежде Повелительницы.

Переулок вдруг содрогнулся от громкого, яростного крика Ардэна — такого мощного, что даже оставшиеся наёмники на мгновение замерли.

Заваливаясь на бок, Анна успела подумать: «Глупо было забывать о стрелке... И отчего так громко кричит генерал? Это ведь меня ранили...»

Мир вокруг начал меркнуть, звуки отдалялись, словно сквозь толщу воды. Последнее, что она увидела, — как Ардэн, отбросив меч, бросается к ней, а мальчишка, всё ещё сжимая свою палку, пытается её подхватить...

***

— Ну вот как такое могло случиться? — причитала Ферухе, растирая слёзы по щекам. Её пальцы дрожали, а голос то и дело срывался на всхлипы.

Сайс, который занимался обработкой раны Анны, хмуро посмотрел на девушку. Его движения были точными, выверенными — годы службы научили его сохранять хладнокровие даже в самых тяжёлых ситуациях. Рана Анны, к счастью, оказалась не такой уж серьёзной: стрела не задела никаких органов, застряла в теле совсем неглубоко. Если хорошо за ней ухаживать и дать телу отдохнуть, она должна быстро зажить.

— Хватит причитать, Феру, ты хуже старой бабки, — резко бросил молодой лекарь, не отрываясь от работы. — Лучше помоги мне.

Ферухе, уже набравшая в грудь воздуха для возмущённой отповеди, тут же поспешила к нему, на ходу вытирая слёзы рукавом. Её плечи ещё вздрагивали, но она постаралась взять себя в руки.

Анна же всё это время хранила молчание. Она не издавала ни единого звука — даже когда Сайс осторожно извлекал стрелу из её тела и обрабатывал рану спиртовым настоем, отчего по комнате разлился резкий, жгучий запах. Перед её глазами всё ещё стояло лицо той самой женщины — спокойное, почти умиротворённое в последний миг, — той, что умерла на её руках.

Когда Сайс с Ферухе закончили с раной и отошли в сто-

рону, чтобы прибрать за собой, Нина тихо присела рядом с Анной.

— Как ты? — тихо спросила она. — Мы все очень испугались. Как хорошо, что Ардэн вернулся так вовремя...

При упоминании Ардэна Анна подняла взгляд на подругу. В этот момент Ферухе как раз убирала обломки стрелы и от неожиданности выронила древко — оно глухо стукнулось о пол.

— Женщина... — тихо заговорила Анна, и её голос звучал так отстранённо, будто доносился издалека. — Я не знаю её имени... Но она... прикрыла меня собой и приняла удар меча на себя. Она умерла на моих руках...

Нина осторожно коснулась руки Повелительницы.

— Ты же понимаешь, что в этом нет твоей вины? — мягко сказала она. — Твоей вины в её смерти нет.

Но Анна словно не слышала этих слов.

— Я хочу, чтобы ты нашла и привела ко мне её семью, — твёрдо произнесла она, глядя куда-то вдаль.

— Поняла, — просто склонила голову Нина, не став спорить.

Повелительница некоторое время молча смотрела в окно своих покоев. За стеклом угасал закат, окрашивая небо в багряные и золотые тона — цвета, которые когда-то казались ей символом величия, а теперь лишь напоминали о крови и утратах. Нина тихонько сидела рядом, боясь нарушить тишину.

Ферухе и Сайс убирали последствия оказания помощи раненой. Они переговаривались между собой, пытаясь унять дрожь волнения, но получалось плохо: голоса то и дело прерывались, руки дрожали, а взгляды невольно обращались к Анне.

Наконец Повелительница подняла голову и чётко произнесла:

— Приведите моего секретаря.

— Ты должна отдыхать! — тут же вскинул голову лекарь, но под тяжёлым взглядом Анны тут же сник, опустил плечи и тихо добавил: — Простите, светлейшая.

Нина не скрывала своего недовольства — её брови сошлись на переносице, губы сжались в тонкую линию, — но всё же встала и отправилась исполнять приказ своей госпожи.

Не прошло и нескольких минут, как в комнату вошёл секретарь Повелительницы и её первый советник — айшир Анаташ. Высокий, сухопарый, с проницательным взглядом и сединой на висках, он поклонился с безупречной выправкой.

На все вопросы советника Анна ответила кратко и сухо: жива, задело по касательной. Мужчины заметно выдохнули — Анаташ провёл ладонью по лбу, а Айчер едва заметно перекрестился.

— Айчер, записывай мой указ, — твёрдо обратилась Анна к секретарю. Её голос, ещё недавно слабый от боли, теперь звучал ровно и властно — так, как и подобает Повелитель-

нице.

Она выпрямилась на подушках, расправила плечи, несмотря на ноющую боль в левом боку. Взгляд стал острым, сосредоточенным — перед ней уже не покои, а вся Аркахалла, весь народ, ждущий её решения.

— Мятежники, посмевшие напасть на Повелительницу, убившие стражей и мирных горожан, должны быть немедленно схвачены и допрошены. Каждый, кто держал меч в тот день, должен ответить за пролитую кровь.

Анна сделала короткую паузу. В комнате повисла напряжённая тишина — даже Айчер замер, держа перо над пергаментом, чтобы не пропустить ни слова.

— Инициаторы покушения, посмевшие угрожать власти Аркахаллы, будут публично казнены на главной площади столицы. Пусть весь город увидит, что предательство и насилие не останутся безнаказанными.

Её голос зазвучал чуть мягче, но не менее твёрдо:

— Городским властям позаботиться о достойном захоронении погибших сегодня людей. Пусть их похоронят с почестями — как героев, отдавших жизни за свою Повелительницу и свой город.

Она на мгновение прикрыла глаза, вспомнив лицо женщины, принявшей удар на себя. В груди защемило, но Анна тут же взяла себя в руки.

— Министерству финансов выплатить семьям погибших материальную помощь — достаточную, чтобы поддержать

их в трудный час. Пусть знают: Аркахалла не бросает своих.

Айчер быстро кивал, торопливо записывая каждое слово. Его пальцы чуть дрожали, но он старался не показывать волнения — слишком серьёзным был указ, слишком много судеб он затронет.

— Оформите всё должным образом и доставьте в соответствующие органы, — завершила Анна. — Исполнение — безотлагательно.

Секретарь поклонился низко, почтительно:

— Будет исполнено, светлейшая Повелительница.

Он поспешил покинуть покои, почти выбежал за дверь — торопиться, оформлять указ, запускать маховик государственной машины.

Анна откинулась на подушки. Этот день был тяжёлым. Она чувствовала усталость — не только физическую, но и душевную: боль утраты, тяжесть ответственности, груз решений, которые приходилось принимать. Но он был не первым и не последним в её жизни.

Она переживёт это. Перешагнет через боль, через страх, через горечь потерь — и пойдёт дальше намеченным путём. Потому что так должно быть. Потому что она — Повелительница Аркахаллы.

Но одно она знала точно: те, кто осмелился пойти против неё, против её народа, против справедливости — получат по заслугам. И она лично проследит за тем, чтобы закон свершился.

В комнате стало тихо. За окном догорал закат, бросая последние лучи на стены покоев. Анна закрыла глаза, глубоко вздохнула и приготовилась к тому, что ждёт её завтра. Впереди было много дел.

***

Ардэн Тадж был в гневе — таком яростном и жгучем, что казалось, ещё немного — и воздух вокруг него задрожит от напряжения. Его люди сейчас переворачивали всю столицу вверх дном в поисках тех, кто замешан в покушении на Повелительницу. Уже были первые результаты: несколько человек схвачены, ведутся допросы. К сожалению, это были лишь пешки — мелкие звенья в цепи заговора. Но допрос вели мастера своего дела: в скором времени задержанные непременно признаются, кто был их нанимателем и инициатором всего этого кошмара.

Однако сам генерал не спешил отправляться в темницу и присутствовать при допросах. Он никак не мог заставить себя сделать и шага с места. Словно невидимая сила держала его здесь — у входа во дворец, где сейчас находилась раненая Повелительница.

Руки Ардэна всё ещё помнили тепло её тела. В носу стоял её сладкий запах — тонкий аромат полевых цветов, смешанный с металлическим привкусом крови. Её крови. На его руках. Великий Рохан, этот день станет одним из самых страшных в его жизни. Ардэн и представить себе не мог, что воспримет ранение Повелительницы как своё собственное —

даже сильнее. Ему не было бы так больно и страшно, если бы та злополучная стрела досталась ему. Когда он увидел, как она вонзается в хрупкое девичье тело, ему показалось, что это его проткнули насквозь. И как он боялся опоздать, не успеть... Боялся, что пока он доберётся до дворца, Повелительница...

Ушей Ардэна достиг отдалённый крик — допрос продолжался. Пусть только назовут имя зачинщика — и он собственными руками разорвёт эту тварь на куски.

Мимо пробежали взволнованные и испуганные девушки-служанки. Туда-сюда сновали хмурые стражи. Ардэн был уверен: во дворце есть предатель. Ведь кто-то же сообщил наёмникам, какой дорогой и во сколько Повелительница будет возвращаться во дворец. Самое противное, что этот кто-то — из приближённого круга. Такие подробности знал ограниченный круг лиц — специально для безопасности Анны. Но, к сожалению, даже это не смогло её уберечь.

За спиной генерала послышался топот копыт. Ардэн обернулся. Дэниз Вейшад вместе со своими людьми вернулся — и это было хорошо. К нему у генерала тоже имелись... вопросы.

Глава Золотого отряда успел сделать всего несколько шагов от своей лошади, прежде чем его настиг взбешённый, словно тысяча демонов, генерал.

— Где ты был?! — взревел в лицо Дэнизу Ардэн. — Почему ты оставил её одну?!

— Ардэн, успокойся. Мне пришлось... — попытался унять его Дэниз.

— Пришлось?! — ещё громче взревел генерал.

Люди, находившиеся неподалёку, стали переглядываться и коситься в их сторону. Подчинённые Дэниза недовольно хмурились, некоторые даже взяли за оружие. Видя это, люди Ардэна сделали то же самое. Назревал не просто конфликт — самая настоящая драка.

Одна из девушек, видя всё это, быстро нырнула в двери дворца, намереваясь привести помощь.

Ардэн меж тем не собирался успокаиваться. Казалось, попытка Дэниза оправдаться вывела его из себя ещё больше.

— Я оставил с Повелительницей стражей, — пытался достучаться до разума генерала глава Золотого отряда. — Меня вызвали на окраины. Теперь-то понимаю, что это была лову...

Мощный удар в челюсть не дал главе договорить. Подчинённые Дэниза рванули в их сторону. Им наперерез бросились люди генерала. Ардэн тем временем схватил опешившего Дэниза за ворот и занёс руку для второго удара.

— Прекратите немедленно! — громкий женский голос разнёсся над их головами.

Рядом с дерущимися появилась Нина. За её спиной топталась та самая девушка, что недавно забежала во дворец. Помощница Повелительницы вцепилась в руку старого друга — ту, что всё ещё держала ворот Дэниза. Мужчины свер-

лили друг друга гневными взглядами и, казалось, совсем не замечали ничего вокруг.

— Ты что тут устроил? — прошипела Нина на Ардэна. — Нашли время для разборок...

Мужчины всё ещё смотрели друг на друга. Из разбитой губы Дэниза сочилась кровь. Он молча поднял руку и отцепил руку Ардэна от своего ворота, кивком головы приказав своим людям отступить.

— Держи свои эмоции и чувства в узде, Ардэн Тадж, — тихо сказал мужчина.

Ардэн промолчал. Он тоже дал знак своим отступить и под натиском Нины, которая всё ещё держала его чуть выше локтя, отступил на пару шагов назад. Он всё ещё чувствовал, как внутри бурлит злость. Хуже было от того, что Дэниз был абсолютно прав: он поддался эмоциям. Это было недопустимо.

— Как Повелительница? — задал вопрос Дэниз, обернувшись к Нине.

Ардэн про себя чертыхнулся. Почему он сам не задал этот вопрос?

Убедившись, что мужчина больше не собирается кидаться в драку, Нина отпустила его руку и обернулась к Дэнизу:

— С ней всё хорошо. Сайс сказал, что стрела не задела органы и рана быстро заживёт, — поделилась Нина. Видно было, что состояние Повелительницы волновало её не меньше. Она относилась к своей госпоже как к младшей и люби-

мой сестре. — Она уже принялась за работу и хочет тебя видеть, Дэниз.

Ардэн резко обернулся к Нине. Он не ослышался? Анна звала к себе Дэниза? Глава Золотого отряда бросил на генерала быстрый взгляд и направился ко входу во дворец. Повелительница ждёт.

Ардэн остался стоять на месте, с горечью понимая, что его вспышка не имела никакого смысла. Кто он, а кто она?

— Ардэн? — тихонько позвала Нина.

Мужчина молча развернулся и зашагал в сторону темницы. Нина с сочувствием смотрела ему в спину. Почему два дорогих ей человека всё никак не могут найти взаимное понимание? В её сердце шевельнулась тоска: слишком много боли, слишком много недоговорённостей между теми, кто должен был стоять плечом к плечу.

Глава 4

Той ночью столица была озарена сотнями факелов — их неровный, дрожащий свет заливал улицы багряными отблесками, превращая город в причудливую мозаику теней и пламени. Стража прочёсывала каждый переулок, каждый дом, вылавливая всех, кто был причастен к мятежу. Воздух был пропитан запахом дыма, железа и страха.

Под утро людям Ардэна стали известны имена всех организаторов. Ими оказались двое бывших советников, когда-то пользовавшихся доверием двора, и несколько столичных чиновников — тех, кто, казалось, должен был служить закону и порядку. К моменту, когда первые лучи солнца коснулись шпилей дворцовых башен, все виновники были схвачены и закованы в цепи.

Несмотря на ранение, Анна направлялась в тронный зал. Ей уже доложили, что семья женщины, спасшей её жизнь, прибыла во дворец. Повелительница думала, что готова к этой встрече, но у самых дверей она вдруг затормозила, замерла на мгновение. Как она сможет посмотреть этим людям в глаза? Наверное, они её ненавидят. И она не в силах их в этом обвинить.

Верные Ферухе и Чоксо замерли за её плечами — молчаливые, настороженные, готовые в любой момент прийти на помощь.

— Может, перенести встречу? — тихонько спросила Фехе, и в её голосе прозвучала неподдельная тревога.

— Нет, — покачала головой Анна.

Сделав глубокий вдох, словно готовясь нырнуть в ледяную воду, Повелительница кивнула стражам. Те беззвучно распахнули массивные двери, и она вошла в зал.

Их было всего трое. Молодая девушка, едва ли старше двадцати, испуганно осматривалась по сторонам, цепко держась за руку крепкого, высокого мужчины. Тот стоял с серьёзным, даже хмурым видом, цепким взглядом подмечая всё вокруг — каждую деталь, каждый жест. Казалось, он готов в любой момент кинуться на любого, кто осмелится угрожать его близким. Третьим оказался молодой парень, на вид ровесник Сайса. Он был чем-то похож на девушку и явно младше её — брат?

При появлении Повелительницы все трое опустили на колени, склонив головы.

— Прошу вас, встаньте, — поспешила к ним Анна, шагнув вперёд с протянутой рукой. — Тем более что это я должна стоять перед вами на коленях...

— Ох... — не то шокированно, не то испуганно выдохнула девушка, когда сама Повелительница подала ей руку, помогая подняться.

— Светлейшая, позвольте представить вам госпожу Ли-сею Саах, её брата Агреса и Охтара Ксата, жениха госпожи Саах, — прозвучал голос Нины, которую Анна из-за волне-

ния даже не заметила. — Это дети погибшей Адлаи Саах.

Анна заметила, как при упоминании матери на глазах девушки выступили слёзы, а руки парня непроизвольно сжались в кулаки. В груди у Повелительницы что-то сжалось — она вдруг остро ощутила всю тяжесть момента.

— У вас... — Анна сглотнула ком в горле, подбирая слова. — Есть ещё братья или сёстры?

Троица переглянулась между собой, и говорить стала девушка. Её голос, едва слышный и дрожащий, звучал так, будто каждое слово давалось ей с трудом:

— Теперь нас пятеро, светлейшая, — прошептала Лисея. — Я стала старшей. Моя сестра, ей всего пятнадцать, осталась дома с младшими. Близнецам всего два года, и я... Прошу прощения, светлейшая, я осмелилась оставить их дома... и... я...

— Нет-нет, ты всё сделала правильно, — поспешила успокоить её Анна, делая шаг вперёд и осторожно касаясь плеча девушки. — А что ты имела в виду, когда сказала, что теперь ты старшая?

Лисея опустила взгляд, её губы дрогнули.

— У нас была ещё старшая сестра, — тихо пояснила она. — Она умерла.

Анна кивнула, принимая её ответ. Она думала, что этот разговор будет тяжёлым — но не представляла, насколько. В груди сдавило так, что дышать стало трудно. Ей было невозможно тяжело смотреть в глаза этих детей, мать которых по-

гибла из-за неё.

— Сколько вам лет? — вдруг спросила Анна, всё так же стараясь не смотреть Лисее в глаза. Её голос прозвучал чуть хрипло, будто слова царапали горло.

— Мне девятнадцать, Агресу — семнадцать, — немного смущаясь, ответила девушка. Её пальцы нервно теребили край платья, а взгляд то и дело скользил к брату, ища поддержки.

Анна глубоко вздохнула, сжала руки в кулаки так, что ногти впились в ладони, — боль хоть немного помогала сосредоточиться.

— Что ж, госпожа Саах, господин Саах, — начала она твёрдо, но в голосе всё равно звучала горечь, — виновные в смерти вашей матери будут казнены сегодня в полдень на главной площади столицы. Я понимаю, что никакие извинения не искупят того груза вины, что лежит на моих плечах...

— Повелительница! — неожиданно воскликнула Лисея, непочтительно перебивая Анну. Её голос дрогнул, но она не отступила.

Девушка оставила руку своего жениха и приблизилась к Анне, взяла её за руки. Стражи, находившиеся здесь, тут же напряглись — пальцы легли на рукояти мечей, мышцы напряглись, готовые к действию. Заметив это, брат и жених Лисеи дёрнулись в сторону девушек. Но за спиной Анны бесшумно выступил Чоксо — один его взгляд, тяжёлый и властный, заставил мужчин замереть на месте.

— Повелительница, — снова повторила девушка, совсем не замечая нервных движений мужчин вокруг, — вам не о чем просить нас. Возможно, мои слова прозвучат странно и даже жестоко, но это так. Любой из нашей семьи сделал бы на месте мамы то же самое.

Нина жестом показала стражам отступить. Те неохотно отошли назад, не сводя настороженных взглядов с Лисеи.

Анна тем временем смотрела на свои дрожащие руки в ладонях девушки. Они казались такими хрупкими, такими тёплыми — и в то же время в них чувствовалась удивительная сила.

— Мама всегда восхищалась вами и молилась о вашем здоровье, — тихо начала говорить Лисея. Её голос звучал всё увереннее, словно каждое слово придавало ей сил. — Вы, наверное, даже не помните, но вы ведь спасли нашу семью. Впервые мы встретились с вами в храме. Тогда вы были лишь избранной, но уже тогда не смогли пройти мимо нуждающихся и помогли болеющей мне, когда мама принесла меня туда.

Она замолчала на мгновение, вспоминая.

— После этого мама стала регулярно ходить в храм в те дни, когда туда приезжали женщины гарема. Но не это главное... — Лисея подняла взгляд, и Анна наконец увидела набежавшие на её глаза слёзы — прозрачные, чистые, как утренняя роса. — Главное то, что мама всегда говорила: есть люди, ради которых стоит жить и даже умереть. И вы были

для неё таким человеком.

В зале повисла тишина. Слышно было лишь неровное дыхание присутствующих да отдалённый гул города за стенами дворца. Анна почувствовала, как к горлу подступает ком. Она сглотнула, пытаясь унять дрожь в руках, и осторожно сжала пальцы Лисеи в ответ.

Лисея улыбнулась — слабо, но искренне. В этой улыбке было что-то такое, что заставило Анну ощутить, как тяжесть на сердце чуть-чуть ослабла. Возможно, искупление начиналось не с казней и указов, а с таких вот простых слов — слов правды, благодарности и памяти.

— Два года назад мы были рабами в доме господина Асхершада, — тихо начала Лисея, и её голос дрогнул, будто каждое слово давалось ей с усилием. — Он был... суровым и беспощадным хозяином. В его доме мы жили словно звери.

Она на мгновение замолчала, сглотнула, а затем продолжила, глядя куда-то вдаль, словно заново переживая те страшные дни:

— Мама работала прачкой, мы с сестрой ей помогали. Но она всегда ругала нас за это. Не разрешала выходить из комнаты — а мы не могли смотреть, как тяжело ей приходилось. Как она стирала пальцы в кровь... К тому же она тогда была беременна близнецами. Ругала нас, но никогда не объясняла, почему нельзя показываться во дворе.

Лисея глубоко вздохнула, её пальцы непроизвольно сжались.

— Но однажды мама заболела, и Ксара вышла на работу вместо неё. И это её погубило...

Голос девушки почти сорвался на шёпот. Анна невольно подалась вперёд, затаив дыхание.

— Ксара... сестра была очень красивой девушкой. Ассхершад обратил на неё своё внимание. Ксара была гордичкой... После всего того, что... Она всё равно не захотела подчиняться, и... Ассхершад отдал её своим стражам. Они все...

Слеза скатилась по щеке Лисеи, но она не заметила её.

— Мама на коленях умоляла пощадить Ксару, но что могла сделать беременная рабыня? Наш отец умер за два года до этого. Именно после его смерти мы и попали в рабство.

Девушка закрыла глаза, и Анна увидела, как её плечи задрожали.

— Я помню крики сестры, плач и мольбы матери, — глухо произнесла Лисея. — Помню, как Ассхершад толкнул её... Агрес вырвался из моих рук и набросился на него. Мне кажется, я до сих пор помню хруст ломающихся костей ноги брата. Помню, как в тот момент во двор ворвались ваши люди... Как схватили Ассхершада... Как один из них подхватил на руки маму, другой — Агреса, как кто-то подошёл к нам с сестрой...

Она открыла глаза и посмотрела прямо на Анну. В её взгляде читалась глубокая, выстраданная благодарность.

— Помню вас. Вы стояли рядом с воротами. Ваше лицо

было скрыто, но я всё равно узнала вас. В лечебнице нам тут же оказали помощь. Мама родила близнецов, Агресу помогли с переломанной ногой, а вот Ксару... спасти не удалось.

Лисея на мгновение опустила голову, но тут же подняла её, с усилием продолжая:

— Я пробралась к маме, хотела убедиться, что с ней всё хорошо. Там были вы. Держали на руках одного из близнецов, чтобы тот своим плачем не разбудил маму. После этого нас отправили в дом господина Охтана. Он оказался хорошим и добрым хозяином. Там я встретила Ксата, — девушка с тёплой улыбкой посмотрела на своего жениха. — С тех пор вы ещё много раз помогали нам — едой, лекарствами... Только благодаря вам мы остались все вместе и жили тихо и мирно. И в конце концов вы подарили нам свободу и возможность построить свой дом.

Её голос зазвучал твёрже, наполняясь убеждённостью:

— Поэтому то, что сделала мама... Она дала шанс ещё многим людям получить помощь и возможность прожить достойную жизнь. Ту жизнь, которую в силах подарить людям только вы.

Анна в неверии слушала слова этой девушки. В памяти всплывали обрывки той грязной истории — но почему она не вспомнила сразу? Возможно, потому что это была лишь одна из множества похожих историй? Сколько их, вот таких же невинных и пострадавших людей...

— Но цена, которую она заплатила, слишком высока, — в

конце концов сказала Анна, и в её голосе прозвучала неподдельная боль.

— Вам не в чем себя винить, — твёрдо повторила Лисея.

Анна почувствовала, как по её щеке побежала слеза. Понимающая Ферухе тут же протянула своей госпоже белый платок. Лисея опомнилась, охнула и тут же отпустила руки Анны, отступила на несколько шагов назад, словно испугавшись собственной смелости.

— Итак, госпожа Саах, — после минутной слабости твёрдо произнесла Повелительница, выпрямляясь и стараясь вернуть голосу властные интонации, — я хотела бы узнать, чем могу быть вам полезной?

Девушка растерянно обернулась к своему жениху. Тот в ответ мягко улыбнулся — и эта улыбка словно стёрла с его лица все следы суровости. До этого момента Охтар казался хмурым и замкнутым, словно человек, привыкший к постоянной борьбе. Но теперь черты его лица смягчились, взгляд потеплел, а вокруг глаз собрались добрые морщинки. Он легонько качнул головой — едва заметный жест, полный поддержки, — и Лисея приняла этот безмолвный ответ.

— Мне неловко просить вас о чём-либо... — замялась девушка, её пальцы нервно теребили край платья.

— Что вы, — вместо Анны ответила Нина, шагнув вперёд. В её голосе звучала искренняя убеждённость. — Вам выпала великая честь. Сама Повелительница предложила вам помощь.

Лисея стала неловко мять в руках длинный рукав платья, комкая тонкую ткань.

— Тогда, если возможно... Нам не нужны больше деньги или что-то в этом роде... Я могла бы попросить... Мои младшие. Пожалуйста, позвольте моим младшим учиться!

— Сестра! — тут же недовольно воскликнул юноша, шагнув вперёд. Его голос прозвучал резко, но в глазах читалась не злость, а тревога за сестру.

— Агрес имеет золотые руки. Вот, смотрите, этот пояс он сделал сам, — Лисея сняла с пояса кожаный ремешок и протянула его Повелительнице.

Плетение было красивым и прочным, хотя выполнено из разных, к тому же дешёвых материалов. Но, несмотря на это, работа выглядела добротной — аккуратной, продуманной, с чётким ритмом узора.

— Сестра! — снова буркнул парень и приблизился к ней, невольно прихрамывая.

Только теперь Анна заметила, как сильно он хромает при ходьбе — след того самого перелома. Видно было, что полностью исцелить ногу не удалось: каждый шаг давался ему с усилием, хотя он старался этого не показывать.

— А моя сестра мечтает стать лекарем, — продолжила Лисея, и в её голосе зазвучала тихая, но твёрдая уверенность. — Она уже знает много о травах и их свойствах. Я не осмеюсь просить о большом, но, пожалуйста, позвольте моим младшим учиться! — девушка низко склонилась перед По-

велятельницай, почти касаясь лбом пола.

— Хорошо, — улыбнувшись, сказала Анна. — А что вы попросите для себя?

Девушка мягко улыбнулась и отошла назад, к своему жёниху. Взявшись за руки, они обменялись взглядами, полными любви и нежности — взглядами, которые говорили больше любых слов. Любой, посмотревший на них, сразу бы понял: эти двое прошли через многое вместе и теперь ничто не сможет их разлучить.

— Мне ничего больше не надо, — наконец сказала Лисея и положила руку на свой живот. Её ладошку тут же накрыла крепкая мужская ладонь — жест, полный заботы и защиты.

Повелительница не смогла сдержать улыбки. Эта семья ей нравилась. Их тёплые отношения, взаимная поддержка, вера в лучшее — всё это импонировало ей, трогало что-то глубоко внутри.

Господин Ксат что-то тихонько сказал на ухо своей возлюбленной. Та кивнула и снова обернулась к Повелительнице.

— Светлейшая, если позволите, мне хотелось бы ещё кое-что добавить, — тихонько сказала она.

— Конечно, — тут же кивнула Анна.

— Госпожа, — Лисея мягко улыбнулась, и в её глазах заблестели слёзы, — проживите долгую и счастливую жизнь. За себя и за маму...

***

После показательной казни Повелительница вернулась обратно во дворец. Несмотря на ранение и всё произошедшее, она не собиралась откладывать работу и направилась сразу же в свой кабинет — прямая спина, ровный шаг, будто и не было этой раны в боку, будто не дрожали ещё недавно руки от пережитого.

За её спиной тенью двигались верные помощники: Чоксо — молчаливый и надёжный, Нина — собранная и внимательная, Ферухе — с заботливым взглядом, секретарь Айчер — с пергаментом и пером наготове.

— Нина, проследи, чтобы Агреса Сааха приняли в подмастерья к мастеру кожевных дел, — на ходу давала распоряжения Повелительница, быстро шагая по коридору. — Обратись напрямую в гильдию, если нужно будет, ссылайся на моё имя. Что касается младшей Саах... Нашему дворцовому лекарю, господину Сайсу, давно необходима помощница. Пусть возьмёт девушку под своё крыло и обучит её как следует. Толковые лекари всегда нужны.

Она на мгновение остановилась у окна, взглянула на закат, окрасивший небо в багряные тона.

Нина и Ферухе переглянулись — и не смогли сдержать улыбки. В их глазах заплясали озорные искорки: обе ясно представляли реакцию Сайса на этот приказ и буквально предвкушали бурную вспышку эмоций молодого лекаря.

— Что насчёт Ксата? — Повелительница бросила взгляд на Нину, плавно опускаясь в кресло за своим массивным сто-

лом из тёмного дуба.

Помощница улыбнулась — искренне, тепло. Ей было приятно, что Анна настолько хорошо её знала. Ведь подобного приказа не существовало — но бывшая наложница уже проделала свою работу и располагала нужной информацией. Иногда эта способность Нины поражала воображение: казалось, она знала всё и обо всех. Сведения стекались к ней с невероятной скоростью — её сеть работала как отлаженная машина: чётко, бесперебойно, надёжно.

— Довольно занятная личность, — начала делиться сведениями Нина, слегка склонив голову. — Бывший хозяин отзывается о нём как о хорошем работнике с умелыми руками. Он быстро обустроил временное жилище в долине, куда их привезли. Уже заложил фундамент для постройки дома, а также вместе с Агресом и сёстрами Саах занялся разработкой выделенной им земли под посев семян.

— Люди идут за ним? — уточнила Повелительница, постукивая кончиком пера по полированной поверхности стола. Звук получался тихим, но ритмичным — словно отсчёт важных решений.

— Да, — кивнула Нина, и на её губах снова появилась улыбка. — Он был одним из тех, кто организовал постройку временных жилищ. Люди прислушиваются к нему, часто идут за советом и помощью. Малышке Лисее повезло.

И Анна не могла с ней не согласиться. В её глазах мелькнуло одобрение — редкое и оттого особенно ценное.

— А что насчёт близнецов? — Анна обратила взор своих синих глаз на помощницу, и в этом взгляде читалась сосредоточенность. — Если я правильно поняла, то у четверых старших детей был один отец. Но от кого тогда родились младшие?

— Это же логично, — вдруг подала голос молчаливая Ферухе, и все невольно обратили на неё внимание. — Их отец — сам Асхершад. Этот... господин был охоч до красивых рабынь. Взял сначала мать, а когда та понесла и надоела, обратил своё внимание на дочь. Это же ясно как день.

Заметив всеобщее внимание, девушка немного смутилась, опустила взгляд, но тут же подняла его снова:

— Ну, а ещё... я расспросила об этом у Саах, — тихо добавила она.

Анна и Нина не выдержали — и рассмеялись. Этот искренний, лёгкий смех наконец снял напряжение целого дня, словно стряхнул с плеч невидимую тяжесть.

— А кто стал наследником Асхершада после его казни? — отсмеявшись, задала следующий вопрос Повелительница.

— Некоторую часть пустили на помощь пострадавшим рабам, другую присоединили к состоянию его племянника — ближайшего родственника по мужской линии. Законных детей у данного господина не было, — пояснила Нина, сложив руки перед собой.

Анна снова задумчиво постучала пальцем по столу — раз, другой, третий. В комнате повисла тишина, нарушаемая

лишь тиканьем старинных часов в углу.

— Айчер, записывай, — обратилась к секретарю Повелительница, выпрямившись в кресле. Её голос зазвучал твёрдо, властно, но в то же время в нём чувствовалась глубокая уверенность в правильности решения. — Городу в долине я даю название Рэнари — что с древнего языка означает «свобода». Старостой назначить господина Ксата.

Секретарь склонился над пергаментом, быстро водя пером — его пальцы двигались ловко, привычно.

— Следующее, — продолжала Анна. — Вернуть близнецам погибшей госпожи Саах по достижении ими совершеннолетия положенное им наследство их отца, господина Асхершада. Проследить, чтобы это наследство дошло до них в том же состоянии, что и было. До наступления совершеннолетия дети должны будут проживать при дворце и обучаться всему необходимому. Семье детей разрешить их посещение в любое время.

Айчер всё быстро записывал, уже мысленно прикидывая, куда ему нужно будет зайти в первую очередь, что сделать, кому что сказать и передать. В его глазах читалась деловая сосредоточенность.

— Вот поэтому народ тебя и любит, — усмехнувшись, заметила Нина, обращаясь к Анне.

Ферухе и Айчер согласно закивали головами. Они были согласны со словами Нины и полностью разделяли её мнение. Даже Чоксо, стоявший у стены, чуть склонил голову —

своим видом он выражал полное согласие с этим замечанием.

— И ненавидят господу, — невесело усмехнулась Анна, и в её голосе прозвучала горькая правда.

— По-моему, они не любят никого, кроме себя, — фыркнула Ферухе, скрестив руки на груди.

— Вот-вот, — подняла палец вверх Нина, подтверждая слова подруги.

Анна на это лишь покачала головой — мягко, почти устало.

— Айчер, что у нас дальше? — спросила она, переводя взгляд на секретаря. Её голос снова стал деловым, собранным — Повелительница возвращалась к делам.

***

Поздно вечером Сайс буквально уволок Повелительницу из кабинета — с ворчанием, руганью и нескрываемым раздражением в голосе. Анна снова с головой ушла в работу, совершенно наплевав на своё физическое состояние. Возможно, она не призналась бы в этом даже самой себе, но таким образом она пыталась оторваться от произошедшего предыдущим днём.

Смерть госпожи Саах сильно подкосила её. Несмотря на всё пережитое, все клятвы и обещания, Анна всё ещё не могла спокойно переносить гибель невинных людей — особенно когда те жертвовали собой ради неё. В груди будто засел ледяной осколок: он царапал изнутри при каждом воспоминании.

нании о Лисее, Агресе, о судьбе их семьи...

Убегая от тяжёлых мыслей в работе, она довела себя до такого состояния, что не смогла даже встать из-за стола без посторонней помощи. У самых дверей своих покоев Анна и вовсе едва не упала — ноги подкосились, в глазах потемнело, а руки дрожали так, что она едва удержалась за косяк.

— Ты слишком увлекаешься работой! Пойми, ты не сможешь никому помочь, если просто свалишься в постель без сил, — выговаривала подруге Нина, которую срочно вызвали на помощь.

Сайс послал за ней, когда понял, что самому справиться с Анной ему не удастся. Не помогла и поддержка Ферухе — Повелительница лишь отмахивалась, бормотала что-то про «ещё один документ» и «всего пару минут». Единственной, кому удавалось хоть как-то влиять на упрямую правительницу, была Нина. И то лишь благодаря своему невероятному упрямству и бесстрашной наглости.

К тому же, раз Повелительница отказывается прислушаться к словам своего лекаря, то отныне он не проронит и слова — о чём Сайс громогласно объявил, прежде чем умолкнуть. И он действительно не произнёс ни звука: ни когда Ферухе с причитаниями помогала Анне с ванной и переодеванием, ни когда он сам обрабатывал рану, ни когда уже убирал все свои инструменты.

— Посмотри, до чего ты довела бедного Сайса! — уперев руки в бока, строго отчитывала Повелительницу Нина.

Парень на эти слова лишь тихонько фыркнул. Закончив со своим делом, он подхватил саквояж и обратился к Ферухе:

— Передайте, пожалуйста, светлейшей Повелительнице, что я приду завтра утром для повторной обработки раны, — церемонно поклонился он Анне, при этом даже не посмотрев на неё, и с гордым видом удалился.

Девушки проводили его молчаливыми взглядами. Покачав головой, Нина аккуратно присела на край кровати Анны.

— Тебе нужен мужчина, — без обиняков выдала она.

Анна, которая в этот момент сделала глоток отвара, оставленного Сайсом, подавилась и закашлялась. Передав стакан укоризненно глядевшей на бывшую наложницу Ферухе, Повелительница обернулась к подруге:

— Прости, но где здесь связь? — спросила она.

— У тебя слишком много энергии, которую некуда, кроме как в работу, девать, — не отступала Нина. — Анна, тебе нужно расслабиться. Сколько у тебя уже не было мужчины?

— Не будем об этом, — резко ответила Анна.

Ей не понравилось, куда клонила подруга. Горькие и печальные воспоминания об утрате мужа всколыхнули её душу — перед глазами всплыло лицо Одаша, его улыбка, тепло рук... Она сглотнула, стараясь отогнать эти образы.

— Нет, будем! — не собиралась отступать Нина. — Тебе нужно выплеснуть куда-то свои эмоции и расслабиться. Иначе такими темпами ты себя угробишь — и некому тогда будет гонять твоих министров. В конце концов, это требу-

ется для твоего здоровья. У тебя ведь случаются перебои с лунными днями?

Анна обвиняюще посмотрела на Ферухе, но та сделала вид, что совсем не понимает её взгляда и вообще не слышит их беседы. Хотя на самом деле она была полностью согласна с Ниной.

— Неужели это единственный способ? — устало спросила Анна. У неё действительно не было сил спорить.

— Это действенный и проверенный способ, — как знаток своего дела ответила Нина. — Советую обратить внимание на Коэффа-младшего. Он давно и прочно влюблён в тебя.

— добавила от себя Ферухе.

Анна почувствовала, как помимо воли покраснели её щёки. Она и сама замечала, какими взглядами бросал на неё молодой мужчина. Нина намекала на это ещё при жизни Одаша. Но сама Анна никогда не обращала внимания на молодого советника и даже мысли не допускала об измене своему супругу.

Но почему, даже когда ей сказали об этом уже открытым текстом, в мыслях Анны возник совершенно другой образ? Перед глазами встал суровый профиль Ардэна Таджа — его напряжённый взгляд, сжатые кулаки... Сердце вдруг забилось чаще, а в груди разливалась странная, тревожная теплота.

Она поспешно опустила глаза, надеясь, что подруги не заметили её замешательства.

Нина, даже не догадываясь, озвучила мысли Повелительницы:

— А Ардэн...

— Ну, не знаю, — вдруг протянула Ферухе, будто рассуждая вслух. В её голосе прозвучала нотка осторожности, но любопытство всё же взяло верх. — Я, конечно, никогда не сомневалась, что он что-то испытывает к нашей госпоже. Слишком уж голодные взгляды у него... Но буквально сегодня я видела, как к нему шла женщина... — Напоровшись на гневный взгляд Нины, девушка резко умолкла и неловко улыбнулась. — О чём это я? Может, это его сестра... Кхм... Пойду-ка я принесу чистой воды.

Подхватив кувшин — который и так был полон, — сплетница выскользнула из комнаты почти бесшумно, словно тень. Пока Нина сердито смотрела на дверь, за которой скрылась Ферухе, Анна снова погрузилась в свои мысли.

Почему это замечание вдруг отозвалось такой горечью в душе? Почему ей вдруг стало так обидно? Сердце неприятно кольнуло, а в груди разливалась тяжесть, будто кто-то положил туда холодный камень. Она попыталась отогнать эти чувства, сосредоточиться на чём-то другом, но образ Ардэна не уходил...

Пока Повелительница копалась в глубинах своей души, Нина тихо бурчала под нос ругательства в адрес слишком уж болтливой Ферухе. Её губы шевелились, произнося негромкие, но язвительные фразы, брови хмурились, а пальцы

непроизвольно сжимались в кулаки. Она так долго ждала момента, чтобы подтолкнуть Анну и Ардэна друг к другу — осторожно, ненавязчиво, — но одно неосторожное вмешательство Ферухе перечеркнуло все её тонкие планы.

— У него ведь нет сестры? — донёсся до Нины тихий вопрос Анны, едва слышный, будто шелест осенних листьев.

— Нет, — не стала врать Нина. — Но я не думаю, что ты ему безразлична. Точнее, я уверена, что Ардэн испытывает к тебе чувства! Когда тебя ранили, на нём лица не было. А потом, когда он увидел Дэниза... Я едва успела их разнять!

— Это ни о чём не говорит, — ровно ответила Анна. В её голосе не было ни злости, ни раздражения — лишь холодная, выверенная отстранённость. — Скорее, ещё раз подтверждает, что он верный слуга своего повелителя.

— Но... — не хотела сдаваться Нина.

— Хватит! — вдруг резко ответила Анна, и в этом возгласе прозвучала такая усталость, что Нина невольно осеклась. — Мне абсолютно всё равно на чувства и личную жизнь генерала, и уж тем более нет времени на всякие развлечения. А сейчас, прости, лекарь приказал мне отдыхать.

Повелительница демонстративно легла, а затем и вовсе повернулась к подруге спиной — благо, рана была на другом боку. Её дыхание стало ровным, но Нина хорошо знала эту манеру: Анна лишь делала вид, что успокоилась, а внутри неё бушевала целая буря.

Нина вздохнула, поднялась и поправила складки платья.

Пожелав подруге спокойной ночи чуть более формально, чем обычно, она вышла за дверь.

Недалеко от покоев стояла с виноватым видом Ферухе. Нина при виде неё фыркнула, как недовольная кошка, — коротко, резко, с явным укором. Подруга от этого лишь ещё сильнее стала заламывать руки, её плечи опустились, а взгляд метнулся в сторону, избегая встречи с глазами бывшей наложницы.

Бывшая наложница при желании могла бы сделать так, что эти двое бросились бы в объятия друг друга, позабыв о приличиях и правилах, поддавшись лишь животной страсти. Но для самых близких людей она хотела совсем другой участи. Их чувства должны раскрыться сами — медленно, естественно, без постороннего вмешательства. Они заслуживали этого: искренности, доверия, настоящего понимания. Пусть путь будет долгим, но он должен быть их собственным.

Глава 5

Через некоторое время к Повелительнице явился неожиданный посетитель. Мужчина, представившийся Тавером, смотрел на Анну лукавыми зелёными глазами — в их глубине плясали озорные искорки, словно он знал какую-то забавную тайну и едва сдерживал улыбку.

Он был довольно высок, с широкими плечами и узким тазом, но отнюдь не лишён мускулатуры — каждая линия тела выдавала человека, привыкшего к тяжёлой работе и постоянным испытаниям. Ладную мужскую фигуру облегал костюм, больше подходящий наёмнику: грубоватый, практичный, без лишних украшений. Потёртые кожаные вставки на локтях, крепкие ремни, ножны у бедра — всё это буквально кричало о его занятии. Казалось, ещё мгновение — и он схватится за оружие, готовый к бою.

Тем удивительнее было получить от него письмо от короля Хорты. Анна развернула пергамент, пробежала глазами по строчкам — и на мгновение замерла, пытаясь осмыслить прочитанное. В письме говорилось, что этот человек — доверенное лицо самого Эманеля. Король узнал о нападении на Анну и был искренне огорчён и разгневан этим фактом. Он высоко дорожил своим «новым другом» и прислал Тавера к Анне, чтобы тот служил ей в качестве телохранителя.

Предложение выглядело более чем странным. Где это ви-

дано, чтобы другой государь дарил «охрану»? Анна невольно задумалась: а не подделка ли это? Но первая же строчка письма убедила её в обратном — стиль был безошибочно узнаваем, так мог писать только Эманель.

«Дорогой мой друг, над островом снова ярко светит солнце. А вот у вас, я слышал, сгущаются тучи. Как ты? До меня дошли слухи о мятеже. Я очень рад, что всё хорошо закончилось. Мне не хотелось бы потерять хорошего друга и единомышленника.

Я взял на себя смелость позаботиться о твоей безопасности. Не злись и не думай, что я намекаю на то, что у вас плохие войны. Просто ты мне действительно дорога, и я хочу лишь усилить то, что есть. Я вижу будущее наших стран с чистым ярким небом, а для этого мы должны быть в добром здравии.

Этого человека зовут Тавер Джаш. Он родился в Арка-халле, но рос в Хорте. Я познакомился с ним, когда мы были ещё безусыми юношами, и считаю своим другом. Ещё он является одним из самых лучших воинов в Хорте. Характер у него, конечно, поганый, и лучше всего держать его подальше от молоденьких девушек.

Надеюсь, ты примешь мой жест.

Твой друг, Эманель».

Анна оторвала взгляд от письма и встретила с вопросительным взглядом Ферухе. Та стояла чуть поодаль, сложив руки перед собой, и с любопытством наблюдала за реакцией

Повелительницы. В её глазах читалось столько вопросов, что они, казалось, вот-вот сорвутся с губ.

— Ну и ну, — тихо произнесла Анна, медленно складывая пергамент. — Король Хорты решил позаботиться о моей безопасности... Интересно, что же скрывается за этим жестом?

Тавер, до этого молча стоявший у двери, чуть склонил голову. Его губы дрогнули в полуулыбке — той самой, что так раздражала и одновременно вызывала интерес. Он не произнёс ни слова, но в его позе читалась готовность служить — и в то же время некая насмешливая независимость, будто он прекрасно понимал, что его появление вызывает недоверие.

Ферухе сделала шаг вперёд, но Анна жестом остановила её.

— Подай мне воды, — тихо попросила она.

Когда дверь за Ферухе закрылась, Анна подняла глаза на Тавера.

— Расскажи мне о себе, — сказала она. — Хочу знать, кому король Хорты доверяет настолько, что отправляет охранять свою «дорогую подругу».

Тавер выпрямился, его взгляд стал серьёзнее, но лукавинка в глазах никуда не исчезла.

— Как пожелаете, светлейшая, — произнёс он низким, уверенным голосом. — Я готов служить вам верой и правдой. Но предупреждаю: я не из тех, кто будет кланяться и лебезить. Я сражаюсь, защищаю — и говорю то, что думаю.

Анна чуть приподняла бровь, но в душе почувствовала странное облегчение. Возможно, этот человек и правда окажется полезным. А может, его присутствие принесёт ещё больше хлопот... Время покажет.

— Что ж, господин Джаш... — начала Анна, внимательно изучая нового гостя.

— Тавер, светлейшая, — слегка склонил голову мужчина, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то почти детское, обезоруживающее. — Просто Тавер.

— Тавер, — послушно повторила Анна, чуть склонив голову. — У меня уже есть хороший телохранитель, которому я безоговорочно доверяю, — Анна лёгким жестом указала на замершего в стороне вакхалийца.

— Я думаю, что мы с ним подружимся, — нагло улыбнулся Тавер и выразительно повёл бровями в сторону Чоксо, словно бросая негласный вызов.

Вот такие намёки Чоксо терпеть не собирался. Он сделал резкий рывок в сторону наглого мужчины — мышцы напряглись, пальцы сжались на рукояти меча, — но был остановлен поднятой рукой Анны.

— Туше, Тавер, — мягко, но в то же время твёрдо предупредила Анна. — Иначе в следующий раз я не стану останавливать Чоксо. А теперь скажи мне правду. Зачем ты прибыл сюда? С какой целью король Хорты приставил тебя ко мне? И в этот раз советую не изображать из себя шута.

Пару мгновений Тавер смотрел на Анну всё с той же улыб-

кой — лёгкой, чуть насмешливой. Но вскоре его лицо приобрело совсем иное выражение. Пропала небрежность, взгляд стал серьёзным, цепким, будто он вдруг увидел перед собой не просто правительницу, а равного по силе духа противника. Мужчина мгновенно весь собрался — плечи распрямились, осанка стала строже, а поза обрела ту неуловимую собранность, которая свойственна лишь опытным воинам. От бывшего шутника не осталось и следа. Вот теперь Анна поверила, что перед ней — воин, приближённый самого короля.

— Я понимаю ваше беспокойство, Повелительница, — произнёс Тавер уже совсем другим голосом — глубоким, ровным, лишённым всякой насмешки. — Но заверяю, что моё пребывание здесь несёт именно тот смысл, который указал в своём письме мой король. Его величество озадачен вашей безопасностью. Не знаю уж, чем вы его, прошу прощения, зацепили, но он внёс вас в свой ближний круг, а значит, будет оберегать и хранить вас.

Он сделал небольшую паузу, словно взвешивая каждое следующее слово:

— Я родился и первые годы жизни провёл здесь, в Аркаhalle. Я знаю эти земли, знаю их народ, их обычаи, их слабые места. Поэтому моя кандидатура показалась королю наиболее подходящей для этой миссии. Я здесь, чтобы обеспечить вашу безопасность.

— А ещё шпионить, — пробурчала вернувшаяся Ферухе тихо, но так, что все присутствующие отчётливо её услыша-

ли.

Тавер повернулся к ней, и на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Такого указания мне не давали, — честно ответил он. — К тому же для шпионажа у его величества есть куда более подходящие люди. Полагаю, как и у вас, Повелительница.

В комнате повисла напряжённая тишина. Анна внимательно изучала лицо Тавера — его прямой взгляд, спокойную позу, едва заметные морщины у глаз, выдававшие годы тренировок и сражений. Она пыталась понять, лжёт ли он, или говорит правду.

Тонкий намёк на то, что им известно о засланных Анной шпионах в Хорту. Повелительница молча приняла его — губы чуть дрогнули, но лицо осталось невозмутимым. Она и впрямь прекрасно знала имена и всю подноготную шпионов Хорты в её стране. Совсем другое дело, что ныне эти люди не несли никакого вреда — а в некоторых случаях даже бывали полезны. Всё потому, что Анна и Эманель стали друзьями: их союз держался не на страхе или выгоде, а на взаимном уважении и общих целях.

— К тому же, — продолжил Тавер и враз снова превратился в того самого несерьёзного и шутливового персонажа, словно сбросил маску серьёзности, как плащ, — как можно следить за такой прекрасной женщиной?

После этих слов он даже причмокнул, приложив руку к губам — так обычно делают гурманы после употребления

изысканного блюда, смакуя послевкусие.

Ферухе возмущённо засопела — громко, выразительно, не скрывая негодования. Она вообще не понимала, как Анна терпит этого наглого... гостя. Была бы её воля, она вышвырнула бы его прочь, не успел бы он и слова сказать. Девушка скрестила руки на груди и метнула в сторону Тавера взгляд, полный неприкрытой неприязни.

А вот Повелительница, напротив, улыбнулась — едва заметно, но искренне. Отчего-то она поверила, что этот человек шпионить или как-то вредить не будет. Он будет делать то, за чем собственно сюда и прибыл. Но в конце концов, она знала один прекрасный способ обезопасить себя и сделать так, чтобы он действительно выполнял лишь то, что необходимо будет ей.

Повелительница поднялась с трона — плавно, величественно, и в этом движении читалась не угроза, а спокойная уверенность властителя, привыкшего к повиновению.

— Что ж, Тавер, — сказала она, — осталось сделать лишь одну маленькую вещь.

Анна улыбнулась, вот только самому Таверу эта улыбка отчего-то не понравилась. Он нахмурился и бросил вопросительный, в то же время подозрительный взгляд на Ферухе и Чоксо. Те уже тоже догадались, что замыслила их госпожа, и выглядели совершенно спокойно — посматривали на Тавера скорее насмешливо, с лёгкой долей сочувствия, словно знали какой-то секрет, недоступный ему.

— Поклянись, — чеканя каждое слово, твёрдо сказала Анна, — что будешь служить мне верой и правдой, что не станешь доносить обо всём, что увидишь или услышишь здесь, королю Хорты или кому-либо другому. Я, в свою очередь, обещаю, что не стану принуждать тебя делать вещи, которые хоть как-то смогут навредить тебе, Хорте или её королю, и отпущу тебя, когда ты того пожелаешь.

Во взгляде мужчины проступила явная подозрительность. Он искренне не понимал, в чём здесь подвох. Клятву он может дать — от него не убудет. Но смысл? Конечно, он не собирался её нарушать, но не все были такими же честными. Сколько он знал случаев, когда данные клятвы нарушались! Их давали десятками, а то и сотнями, но не сдерживали ни единой — слова рассыпались, как песок сквозь пальцы.

— Я не понимаю, — честно сказал он, слегка наклонив голову, будто пытаясь разглядеть в лице Анны ответ на свой невысказанный вопрос.

— Поклянись, — с нажимом повторила Анна, и в её голосе прозвучала сталь, которую раньше он не замечал. Взгляд Повелительницы стал пронзительным, почти гипнотическим — она не просила, она требовала.

Тавер на мгновение замер, оценивая ситуацию. В комнате повисла напряжённая тишина — даже Ферухе перестала сопеть, затаив дыхание. Чоксо чуть склонил голову, наблюдая за происходящим с холодным интересом воина, знающего цену клятвам и верности.

Тавер склонил голову — на этот раз без насмешки, с подлинным уважением. Что-то в атмосфере изменилось: шутник исчез, остался лишь воин, принявший новый долг.

— Хорошо, — согласно склонил голову Тавер. — Я клянусь, Повелительница.

Едва он произнёс эти слова, как тело вдруг содрогнулось от внезапной, пронзительной боли — неожиданной для него, но знакомой для остальных. Мужчина согнулся пополам, а затем и вовсе упал на колено, стиснув зубы. Ключицу обожгло огнём, будто раскалённый металл прижали к коже. Дернув край рубахи — и увидел выступающий на коже знак: тонкий, витиеватый узор, словно выгравированный невидимым резцом. Сияние его на мгновение озарило комнату тусклым золотистым светом, а затем угасло так же резко, как и появилось.

Тяжело дыша, Тавер поднял глаза на возвышающуюся над ним Анну. Её лицо оставалось невозмутимым — ни тени волнения, ни капли сожаления. Она знала. Знала, что последует за этими словами. Потому и настояла на клятве.

В памяти всплыли далёкие воспоминания детства, проведённого в Аркахалле: тихие тёплые ночи, голос бабушки, рассказывающей старую легенду. Рохан, древний дух-покровитель, отвечал на просьбы и искренние желания особых душ — тех, кто носил в себе искру древней силы. Он даровал право принимать клятвы: любой, кто клялся такой душе, не мог ослушаться. А если находились смельчаки, осмели-

вавшиеся нарушить слово, на их головы падала кара самого Рохана.

Тавер всегда считал эти истории лишь сказками — убаюкивающими преданиями, созданными, чтобы учить детей чести и верности. Никогда он не думал, что однажды сам станет свидетелем подобного явления. Поднимаясь на ноги, он не задал ни одного вопроса. Этого и не требовалось. Теперь он стал человеком самой Великой Анны Баладжар, Повелительницы Аркахаллы.

— Отныне ты будешь под руководством Чоксо, — как ни в чём не бывало продолжила Анна. — Будешь слушаться его беспрекословно. Все рабочие вопросы также обсуждаешь с ним. Если я получу хотя бы одно замечание или жалобу, тотчас отправишься обратно к королю Эманелю, но ответное послание будет иметь уже совсем другой смысл. Всё ясно?

— Да, Повелительница, — низко склонил голову новый телохранитель.

— Замечательно. Идём, — махнула рукой Анна, разворачиваясь к выходу.

— Он пойдёт с нами? — пристраиваясь за правым плечом госпожи, спросила Ферухе, бросая косые взгляды на Тавера. В её голосе звучала неприкрытая настороженность.

Чоксо занял привычное место по левую руку Анны, а вот Тавер немного отстал. Он шёл чуть позади, погружённый в свои мысли, то и дело касаясь места, где отныне находился знак данной клятвы — едва заметный, но навсегда вписан-

ный в его плоть узор.

Сама Повелительница направлялась в то место, куда изначально собиралась попасть, но неожиданный визит Тавера немного изменил её планы.

— Он дал клятву, Феру, — просто ответила Повелительница. — Ты сама знаешь, что отныне он связан с нами.

— Это да, — не стала отрицать девушка. — Но почему-то не нравится мне он...

На это Анна ничего не ответила. Услышал ли её слова сам Тавер — было непонятно. Мужчина никак не отреагировал: он молча шёл за ними с задумчивым видом, взгляд его был устремлён вперёд, но мысли явно витали где-то далеко. В его сознании всё ещё звучали слова бабушкиной легенды, теперь обретшие плоть и кровь.

Ферухе вздохнула и чуть отстала, бросив последний подозрительный взгляд на нового телохранителя. Чоксо же, напротив, шёл ровно, невозмутимо — будто появление Тавера ничего не изменило в устоявшемся порядке вещей.

Анна же шла впереди, прямая и уверенная, словно не замечая напряжения, повисшего в воздухе. Её шаги были размеренны, а спина — прямой. Она знала: теперь всё будет так, как должно быть.

***

Когда они прибыли на место, Тавер уже не смог и дальше оставаться равнодушным. Он замер, широко раскрыв глаза, и в изумлении смотрел на представшую перед ним картину.

Они оказались на полигоне — одном из тех, что имели право использовать только члены Золотого отряда. Это место строго охранялось по приказу Анны: ни один посторонний не мог сюда попасть, и почти никто не знал, что здесь происходит. А дело было в том, что отныне это место служило для тренировок особой тайной группы.

Песок был изрыт следами ног, в воздухе витала лёгкая пыль, а повсюду виднелись препятствия: натянутые верёвки, низкие заграждения, ямы, заполненные водой, и даже участок с колючей проволокой, под которой только что ползли... девушки?

— Это девушки? — наконец вымолвил Тавер, не в силах скрыть изумление.

— А у вас есть сомнения? — вопросом на вопрос ответила ему Повелительница, слегка приподняв бровь.

Ферухе не сдержалась и захихикала, прикрыв рот рукой. Анна же просто улыбнулась — настолько забавным показался ей этот растерянный взгляд нового телохранителя.

Тавер не стал отвечать. Он всё ещё в неверии и изумлении смотрел, как группа девушек в боевом облачении бежала, прыгала и ползала по песку.

Пятнадцать молодых красавиц только что закончили ползти под натянутой колючей проволокой. Они поднимались на ноги, отряхивали пыль с одежды и, не переводя дыхания, бежали дальше — преодолевать полосу препятствий, специально разработанную для их тренировок. Их движения

были чёткими, слаженными, несмотря на усталость — видно было, что они уже не в первый раз проходят этот маршрут.

Анна наблюдала за ними с гордостью. Идея этой школы родилась у неё после встречи с королём Хорты. Она тут же поделилась ею с Ниной, и та подругу поддержала — с энтузиазмом, свойственным ей в самых смелых начинаниях. Вместе они начали придумывать план по созданию школы шпионов.

«А кому, как не женщине, мужчина доверит свои тайны?» — рассудили они. Анна сама доказала это на практике, когда с помощью Нины покорила сердце Одаша. Когда-то Нина сказала ей: «Покори его сердце — и он положит мир к твоим ногам». Одаш действительно был готов ради своей возлюбленной на всё. Жаль только, что поняла она это слишком поздно...

Обсудив идею, девушки начали думать, как лучше всего её воплотить в жизнь. Обучать девушек оболыщению, конечно же, будет сама Нина — в этом ей не было равных. За их образование, этикет и прочие тонкости решили доверить лицам из тех, кто служил при гареме Повелителя. По сути, они будут заниматься тем же — обучать девушек. Знать подробности им не обязательно.

Шпионаж — дело серьёзное. Каждый раз они будут сталкиваться с трудностями и препятствиями, а некоторые и во все погибнут. Чтобы увеличить шансы будущих шпиенок на выживание, было принято решение обучить их воинскому

делу.

А к кому лучше всего было обратиться с таким вопросом? Конечно же, к генералу Таджу и главе Золотого отряда. Эти двое, выслушав идею девушек, оценили её по достоинству. Взвесили все «за» и «против», обсудили детали — и разработали программу тренировок, которая сочетала бы в себе и боевые навыки, и умение оставаться незаметной, и искусство очарования.

— Впечатляет? — спросила Анна, повернувшись к Таверу.

Тот молча кивнул, всё ещё не в силах оторвать взгляд от девушек, которые в этот момент взбирались по верёвочной лестнице, ловко перебирая руками и ногами.

— Да, — наконец произнёс он. — Впечатляет. Никогда не думал, что увижу такое.

— И это только начало, — улыбнулась Анна. — Впереди у них ещё много работы. И у нас тоже.

Она окинула взглядом полигон, словно оценивая проделанную работу и планируя дальнейшие шаги. В её глазах читалась решимость — она знала, что этот проект может изменить многое.

Всё это делалось в глубокой тайне. Лишь несколько доверенных лиц знали о существовании особого отряда. Даже учителя, обучавшие девушек, до конца не понимали, для чего их готовят. Им строго-настрого приказали держать язык за зубами и внушили, что эти юные создания — будущие

слуги Повелительницы.

Нина лично отобрала пятнадцать девушек из тех, кто жил на территории гарема. При правлении Анны это место утратило своё прежнее назначение — всем были понятны причины такого решения. Вступив на престол, Повелительница позволила всем желающим покинуть гарем, щедро вознаградив их за годы службы. Но многим женщинам просто некуда было идти: кто-то лишился семьи, кто-то — дома, а иные просто не желали возвращаться в мир, где их никто не ждал.

Все они остались жить на прежнем месте, но теперь каждая нашла своё призвание. Кто-то продолжил выполнять привычные обязанности, а другим посчастливилось получить место в открытой Анной школе. Там обучались дети бывших советников, министров и даже простолюдинов — те, кто пробился сюда благодаря уму и трудолюбию, а не знатному происхождению.

Каждая из выбранных Ниной девушек добровольно согласилась пойти на службу, хотя им честно объяснили: этот путь может привести к гибели. Но все они, как одна, были готовы отдать жизни ради своей Повелительницы. Нина же стала «ректором школы шпионок» — слово, которое она когда-то слышала от одного вельможи, которого Садише Баладжар приказала «обработать». Тогда оно показалось ей необычным, почти магическим, и теперь, когда речь зашла о руководстве над этими девушками, Нина с улыбкой вспомнила его.

Анна подошла к небольшой группе, наблюдавшей за тренировкой. Среди них были Нина, старый воин, отвечавший за физическую подготовку, и... Ардэн. Его присутствие стало для Повелительницы неожиданностью. В памяти невольно всплыл недавний разговор с Ниной и Ферухе. Анна на мгновение сбилась с шага, но тут же мысленно одёрнула себя и взяла эмоции под контроль. Никто из окружающих даже не заметил этой короткой заминки.

— Как идёт тренировка? — спросила Повелительница, приблизившись.

Наблюдавшие тут же почтительно склонились перед своей госпожой. Анна изо всех сил старалась не замечать тяжёлого взгляда Ардэна, но ощущала его буквально кожей. Ей не нужно было оборачиваться, чтобы понять: его тёмные, почти чёрные глаза неотрывно следят за каждым её движением.

— Девушки стараются, — первой ответила Нина, бросая любопытные взгляды на Тавера, который всё ещё с интересом наблюдал за тренировкой.

— Где это они стараются? — недовольно фыркнул господин Кобаш, игнорируя осуждающий взгляд Нины. — Моя бабушка шевелится быстрее их, а ведь она умерла пятьдесят лет назад!

Старый воин славился скверным характером и острым, как клинок, языком. Своими язвительными замечаниями он не раз доводил до слёз даже закалённых в боях солдат, что уж говорить о хрупких девушках. Но при этом он был непре-

взойдѣнным тренером — тем, кто мог выковать воина даже из самого неперспективного ученика. Именно поэтому Ардэн и Дэниз остановили свой выбор на нём.

Хотя Кобаш давно ушёл на покой и не брался за обучение, он не смог устоять перед настойчивыми просьбами Анны и Нины — их обаяние оказалось сильнее его упрямого нрава. Ещё при первой встрече воин предупредил: «Я не буду вытирать сопли и подтирать зады всяким неженкам!» Но Нина подобрала действительно стойких девушек. Сцепив зубы, они молча глотали унижения, поднимались, сжимая кулаки, и шли дальше. Ни одна не проронила ни слезинки в присутствии наставников. Возможно, позже, в темноте, где никто их не видел, они давали волю чувствам — ведь нагрузка у них была едва ли не больше, чем у тренировавшихся по соседству воинов Дэниза.

— Поэтому их мастером стали вы, господин Кобаш, — с лёгкой улыбкой произнесла Анна. — Сделать из этих девушек настоящих воинов под силу только вам.

Кобаш на мгновение замер, затем слегка склонил седую голову — похоже, даже он оценил искренность её слов.

— Это да, — смущѣнно ответил старик, пряча руки за спину.

Повелительница всегда так на него действовала. Пусть его голова уже давно поседела, а морщины избороздили лицо глубокими линиями, даже такому закалённому воину не удалось сохранять хладнокровие под мягкой улыбкой Анны.

В её присутствии он невольно вспоминал времена, когда сам был юным и горячим, — и это смущало его.

В этот момент одна из девушек споткнулась и с тихим вскриком упала на песок. Господин Кобаш тут же сорвался с места, осыпая её резкими словами:

— Вставай! Или ты собралась тут лежать до вечера? Ноги есть — значит, можешь идти!

Он поспешил к ней, громыхая сапогами, и принялся отчитывать так, что остальные девушки невольно замерли, прислушиваясь.

— А кто этот интересный мужчина позади вас, Повелительница? — не выдержала всё-таки Нина, её любопытство наконец пересилило сдержанность.

Анна обернулась к Таверу. К своему стыду, она позабыла о нём, едва увидела Ардэна. Мужчина в этот момент смотрел на Нину взглядом, полным восхищения — открытым, почти мальчишеским. Такое внимание, конечно, польстило бывшей наложнице: она чуть приподняла подбородок, а в глазах мелькнула довольная искорка.

— Это господин Тавер Джаш, — представила Анна мужчину своим людям. — Он мой новый телохранитель, которого любезно прислал король Хорты.

— Его величество не перестаёт меня удивлять, — улыбнулась Нина, чуть склонив голову. — Его забота о... другие весьма трогательна.

— Да, это так, — бросив на подругу предостерегающий

взгляд, ответила Анна. — Тавер, это мои ближайшие помощники и соратники. Нина — моя правая рука, генерал Ардэн Радж — главнокомандующий армией Аркахаллы.

Нина кокетливо откинула заплетённые в косу волосы через плечо. Обычно одного этого жеста хватало, чтобы мужчины теряли голову от её красоты. Но в этот раз всё вышло совсем иначе. Тавер в одно мгновение потерял весь интерес к девушке — будто и вовсе тот восхищённый взгляд всем померещился. Его взгляд, прежде мягкий и внимательный, теперь был прикован к Ардэну.

Нине это не понравилось. Она фыркнула, как раздосадованная кошка, и отвернулась, обратив взор на своих подопечных. Анна и Ферухе незаметно переглянулись: что-то подсказывало им, что Нина просто так это не оставит.

— Помнится, когда мы виделись в последний раз, ты был всего лишь мальчиком для битья, — с лёгкой улыбкой протянул Тавер, протягивая руку Ардэну. — А теперь — целый генерал и главнокомандующий армией.

— А ты, — с ответной улыбкой пожал руку генерал, — и вовсе должен был пасти коз в Хорте.

— Мой король весьма заинтересован в сохранности жизни одной очаровательной Повелительницы, — многозначительно добавил Тавер.

— Я вижу, — хмуро ответил Ардэн.

Упоминание короля отчего-то подпортило ему настроение. В глазах генерала мелькнуло что-то тёмное, почти рев-

нивое, но он быстро взял себя в руки.

— Вы знакомы? — тем временем задала вопрос Нина, которая, оказывается, всё это время прислушивалась к разговору. Она сделала шаг вперёд, её взгляд метнулся от одного мужчины к другому, словно пытаясь уловить невидимую нить между ними.

Тавер усмехнулся, а Ардэн лишь слегка приподнял бровь. Между ними повисло молчаливое понимание — давнее, пропитанное общими воспоминаниями и, возможно, старыми обидами.

— Можно и так сказать, — наконец произнёс Тавер. — В юности мы успели натворить немало глупостей.

Мужчины переглянулись — в их глазах промелькнула тень давней истории, — и синхронно хмыкнули, будто слышали одну и ту же немую шутку.

Анна наблюдала за этой сценой, слегка прищурившись. В воздухе повисло напряжение — не враждебное, но осязаемое. Она чувствовала, что за этими шутливыми словами скрывается куда более глубокая история.

— Скажем так, — неторопливо начал Тавер, словно смакуя каждое слово, — нам двоим было... весьма тесновато в одном районе. Бывало, между нами вспыхивали стычки — такие, что после них мы оба выползали едва живые, с синяками и ссадинами, но всё равно ухмылялись, будто это была какая-то дикая игра.

Ардэн на эти слова лишь тихо рассмеялся и покачал го-

ловой, взгляд его на миг затуманился от воспоминаний.

— Помнишь тот мой удар? — самодовольно прищурился Тавер. — Долго ты потом кости на руке сращивал, а?

— Зато ты в тот раз без костылей не передвигался, — спокойно, почти лениво отозвался генерал, и в уголках его губ дрогнула усмешка.

— Что-то не похожи вы на давних врагов, — с явным сомнением протянула Нина, переводя взгляд с одного на другого.

— Однажды, — продолжил Тавер, — во время очередной нашей стычки нас застал мастер Абзейр. Схватил нас за уши, как нашкодивших мальчишек, и сказал, что мы маемся дурью. А раз уж нам некуда девать всю эту энергию, то он возьмёт нас к себе и научит её направлять в нужное русло. Вот так всё и началось.

— Странно, почему я тогда ничего о нём не знала? — обратилась Нина к Ардэну, слегка нахмурившись.

— Вскоре отец увез меня в Хорту, — вмешался Тавер, — там я и остался. А ты, выходит, так там и застрял?

Ардэн молча кивнул, взгляд его уплыл куда-то вдаль, в прошлое. Пока мужчины погружались в общие воспоминания — в те дни, когда дружба рождалась из соперничества, а уважение — из ударов, — Анна краем уха слушала краткий отчёт Нины.

По сути, этот визит был для неё скорее отдыхом, чем необходимостью. Идти сюда лично вовсе не требовалось: Нина

всё равно пришла бы к ней позже и доложила всё, что нужно. Но Повелительница решила немного развеяться — отложить тяжёлые свитки и чернильные перья, разомнуть ноги, вдохнуть воздух, не пропитанный пылью архивов.

Мужчины всё так же тихо переговаривались, наблюдая за тренировкой девушек во дворе: их движения были плавными, как танец, но в каждом ударе читалась сила.

— Генерал, — прервала она их разговор, голос прозвучал резче, чем она ожидала, — раз уж вы так хорошо знакомы, то прошу вас позаботиться о размещении господина Джаша.

Ардэн склонился в почтительном поклоне, принимая приказ Повелительницы. И почему-то эта показная покорность, эта безупречная выправка задела её сильнее, чем любая дерзость. Резко развернувшись, Анна поспешила вернуться в свой кабинет — туда, где стены из пергаментов и чернил могли спрятать её от собственных чувств.

Но не успела она отойти далеко, как до её ушей донёсся разговор мужчин.

— Знаешь, — лениво протянул Тавер, — что-то я не припомню, чтобы раньше во дворце было столько красивых девиц.

— Может, потому что такого нищего клопа и близко не подпускали ко дворцу? — парировал Ардэн, и в его голосе прозвучала насмешливая теплота.

— Это да, — ничуть не обидевшись, рассмеялся Тавер и весело добавил: — Ну так ты ж познакомишь меня с самыми

отзывчивыми? Ты наверняка уже успел с ними... пообщаться.

Ардэн в ответ громко рассмеялся, и этот звук ударил Анну, как пощёчина. Ей вдруг стало совсем не до смеха. Она ускорила шаг так резко, что её свита едва поспевала следом. Во рту появилась горечь — горькая, вязкая, как настойка полыни. Ей так хотелось, чтобы Ардэн опроверг слова Тавера, резко, твёрдо, с тем самым стальным оттенком в голосе, который она так хорошо знала.

Но он не стал.

И в этом молчании Анна вдруг осознала всю глупость своих ожиданий. В конце концов, он взрослый мужчина, не связанный узами брака, со своими потребностями и желаниями. Почему он должен хранить целомудрие? Из-за её внезапных чувств, которые она сама до конца не понимала?

Хотя «внезапными» их назвать было нельзя. Глубоко внутри Анна всегда знала: Ардэн Тадж волновал её.

***

Вечер окутал дворец сумрачной дымкой, и в покоях Повелительницы царила привычная суэта. Анна, скрытая от чужих глаз за резной ширмой, неторопливо переодевалась, когда до её слуха донеслись приглушённые голоса служанок. Ферухе, до этого бдительно следившая за порядком, ненадолго отлучилась — и вот уже девушки, решив, что остались одни, вовсю перемывали кости дворцовым обитателям, рассыпая сплетни, как бисер.

— А ты видела нового стража Повелительницы? — восторженно зашептала одна, её голос звенел от любопытства. — Говорят, он прибыл из самой Хорты — по личному приказу их короля!

— Видимо, не врали люди, когда говорили, что король влюблён в нашу госпожу, — подхватила вторая, понизив голос до заговорщицкого шёпота. — Ну да понятно. Где ещё встретишь девушку краше нашей Повелительницы? Ничего удивительного, что он был ею покорен. Вон, даже охрану прислал! Я слышала, он уже несколько раз присылал предложение о браке...

Повелительница едва заметно закатила глаза. Нет силы страшнее, чем сплетня: она растёт, пухнет, обрастает деталями — и вот уже правда тонет в этой мутной волне.

— Да ладно? — ахнула первая, и в её голосе прозвучало неподдельное изумление.

Анна, всё ещё скрытая за ширмой, не смогла сдержать лёгкой улыбки. Знал бы Эманель о подобных слухах — наверняка рассмеялся бы или поморщился с досадой.

— Так-то оно так, — захихикала первая служанка, — но с охраной тут уж промашечка вышла. Некогда ему за госпожой смотреть будет. Сама видела, как к этому господину и генералу Таджу четверо девиц направились!

Анна замерла, пальцы невольно сжали ткань платья. Сердце пропустило удар.

— Да ну? — не поверила её собеседница. — С чего ты

взяла, что они к ним?

— Одна из них — Харита, — многозначительно произнесла служанка.

— А, — протянула вторая, и в этом коротком звуке прозвучало полное понимание.

Анна тоже всё поняла. Харита... Имя это гремело во дворце, как набат. Женщина, чьё обаяние было столь же острым, сколь и опасным, — она согревала постели многих чиновников, слыла одной из лучших в квартале удовольствий. И вот теперь она направилась к Ардэну. В груди Анны что-то болезненно сжалось, будто невидимая рука сжала сердце.

— Ты же знаешь, что она давно слюни на генерала пускает, — продолжала первая, не подозревая, что её слова ранят Повелительницу. — Вот она мне радостно об этом и рассказывала. Мол, пришёл заказ от самого генерала Таджа!

— Вы чего здесь языки распустили?! — вдруг прогремел грозный окрик Ферухе.

Служанки вздрогнули, охнули и обернулись. Анна больше не видела смысла скрываться — она спокойно вышла из-за ширмы. Девушки, резко побледнев, низко склонились, почти прижимаясь лбами к полу.

— Закончили? — сурово продолжила Ферухе, сверкая глазами. — Ступайте! А я поговорю с семмой Соен. Что-то разбаловала она вас.

Служанки подхватили корзины, ещё раз поклонились и, словно испуганные птицы, молнией вылетели из комнаты.

Ферухе повернулась к Анне. Она слышала последнюю часть разговора и без слов поняла, почему лицо подруги омрачила тень печали. «*Надо действительно поговорить с Соен*», — мелькнуло у неё в голове. О собственной недавней оплошности Феру предпочла благоразумно забыть.

— Идём к Нине, — внезапно произнесла Анна и решительно направилась к дверям.

— Что?.. Но зачем? — Ферухе поспешила нагнать госпожу, в её голосе звучало искреннее недоумение.

Глава 6

Нина ещё не спала. При свете мерцающей масляной лампы она перебирала бумаги — отчёты об успеваемости своих подопечных. Шуршание пергамента наполняло комнату тишиной, нарушаемой лишь редкими вздохами. В который раз её посетила мысль: этим девушкам невероятно повезло с Анной.

Да, дело, которым они будут заниматься, опасно. Но главное — они выбрали его сами. Их путь будет тернист: он сулит испытания, риск, борьбу с судьбой. Но в трудный час они всегда смогут обратиться за помощью — и непременно её получат. В отличие от Нины. У неё, как и у большинства живущих здесь, такой возможности никогда не было. Эти же девушки — хозяйки своей судьбы, и эта мысль согревала душу наставницы.

Резкий скрип дверей разорвал тишину. Нина оторвала взгляд от бумаг и подняла глаза на неожиданных гостей. В комнату вошла Анна — с прямой спиной, сцепив пальцы в замок, взгляд твёрдый, почти ледяной. За её спиной, взволнованная и растерянная, стояла Ферухе.

— Что-то случилось? — Нина поднялась из-за стола, в голосе прозвучала тревога.

— Устрой мне встречу с Коэфом, — Анна упёрлась руками в столешницу, словно готовилась к бою. Её голос прозву-

чал резко, без намёка на просьбу — это был приказ.

Нина округлила глаза и медленно опустилась обратно в кресло. Такого поворота она не ожидала. Что могло произойти за одну ночь? Ещё вчера Анна яростно утверждала, что никогда не станет заводить новых отношений, что у неё нет времени на «подобные глупости». К тому же Нина втайне надеялась, что между Повелительницей и Ардэном что-то да сложится.

— Я не понимаю, — Нина прижала ладонь ко лбу, пытаясь осмыслить услышанное.

— Только не говори, что это, — догадалась Ферухе, — из-за болтовни тех куриц!

Анна молча прошла вглубь комнаты и опустилась в кресло у камина. Пламя дрогнуло, отбрасывая на её лицо неровные тени.

— Каких куриц? — не поняла Нина.

Ферухе коротко пересказала разговор служанок. Нина удивилась во второй раз — но тут же её глаза вспыхнули радостью. Значит, её предположения верны. Как бы Анна ни отрицала, она всё равно испытывает чувства к генералу.

— При чём здесь это вообще? — вспыхнула Повелительница, щёки залились румянцем. — Вы же сами советовали так поступить. Что не так на этот раз?

Нина вздохнула и подошла ближе, осторожно коснувшись плеча Анны.

— Всё так, но мы хотели, чтобы ты хоть немного...

— Хватит! — резко оборвала её Анна и вскочила на ноги. Голос зазвенел, как натянутая струна. — Все вокруг знают, как лучше для меня! Все такие умные, такие знающие... Так почему же вы живёте рядом с такой неумехой и глупышкой, как я? А сами-то? Чем ваша жизнь отличается от моей?

Ферухе всхлипнула. Слова Анны резанули по сердцу, оставив болезненный след. Нина успокаивающе взяла её за руку, бросив на Повелительницу осуждающий взгляд.

— Анна, не стоит так остро реагировать, — спокойно произнесла бывшая наложница. — Мы поступаем так лишь потому, что хотим для тебя добра. Ты ведь дорогой для нас человек...

— Я сказала — хватит, — зло повторила Анна. Она глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки. — Я тронута вашей заботой. Но, в конце концов, это моя жизнь и мой выбор. Нина, я могу на тебя положиться?

Нина склонила голову — так, как подобает слуге, а не подруге.

***

Следующей ночью в покои Повелительницы тайно привели Джарефа Коэфа. Он был счастлив и всё ещё не верил в происходящее. Причина его визита оставалась для него загадкой, но даже одно свидание с предметом обожания уже было огромным счастьем.

Молодой человек неловко замер у дверей, оглядываясь по сторонам. В покоях царил полумрак, мягкий свет ламп про-

бивался сквозь узорчатые ширмы. Воздух был напоен ароматом дорогих благовоний и свежих цветов — лилий и жасмина, расставленных в изящных вазах.

На небольшом резном столике стоял графин с рубиновым вином, пара хрустальных фужеров, блюдо с фруктами, тарелка с сыром и сладостями — словно застывший натюрморт, обещающий нечто большее, чем просто ужин.

Джареф нервно сглотнул, провёл рукой по волосам и сделал шаг вперёд.

В стороне послышались лёгкие, почти неслышные шаги — будто шелест шёлковой ткани по мягкому ковру. Джареф обернулся. Из соседней комнаты вышла сама хозяйка покоев.

Молодой человек потерял дар речи. Повелительница была одета в тонкую шёлковую сорочку и халат того же материала. Блестящая голубая ткань, словно живая, облегла фигуру, подчёркивая каждый изгиб тела, струилась по плечам и рукам, переливалась в свете ламп. Светлые волосы, ещё влажные после купания, свободно лежали на плечах, отдельными прядями прилипая к шее и ключицам. Сорочка едва доходила до колен, открывая ошеломляющий вид на стройные ноги.

Джареф сглотнул образовавшийся в горле ком. Ему вдруг показалось, что воздух в комнате сгустился и раскалился, как в кузнечной печи. Рука невольно метнулась к вороту, ослабляя его — стало невыносимо жарко.

Повелительница остановилась. Подняла взгляд — её неве-

роятные синие глаза, глубокие, как горные озёра, встретились с его. На губах заиграла лёгкая улыбка.

— Джареф, добрый вечер, — Анна неловко запнулась, взгляд заметался по комнате и наконец остановился на столике. — Не желаешь чего-нибудь выпить?

Не дожидаясь ответа, она подошла к столику и стала наполнять фужеры вином, оставленным Ферухе. Пальцы слегка дрожали, выдавая волнение. Вчера перед Ниной и Ферухе она храбрилась, требовала исполнить её волю. Сейчас же вся решительность словно растворилась в полумраке покоев. В голове крутились тревожные мысли: «Не совершила ли я серьёзную ошибку? Может, подруги были правы?»

В волнении Анна сделала несколько глотков вина, забыв подать бокал гостю. Она едва удержалась, чтобы не вздрогнуть, когда чужая рука коснулась её плеча. Девушка замерла. Горячая мужская ладонь осторожно двинулась вниз вдоль руки и обратно — лёгкое, почти невесомое прикосновение, от которого по коже побежали мурашки.

Джарефу никто не сказал, зачем его тайно привели ночью в покои Повелительницы. Сама Анна тоже ничего не объяснила. Но одно её появление в таком виде уже многое объясняло. Не веря в собственное счастье, он замер, будто ожидая разрешения — или, напротив, наказания.

А получив молчаливое согласие, Джареф осторожно убрал волосы с девичьего плеча, обнажая нежную шею. Медленно спустив край халата с плеча, он громко вздохнул, слов-

но впервые за долгое время смог вдохнуть полной грудью. Анна вновь вздрогнула, когда мягкие губы коснулись её плеча и стали продвигаться выше, оставляя на коже едва ощутимые, трепетные поцелуи.

Анна обернулась. Джареф неожиданно упал перед ней на колени.

— Госпожа, — судорожно выдохнул он. — Восхитительная... Прекрасная... Госпожа... Как давно я мечтал об этом...

Он шептал эти слова, словно в бреду, поочерёдно целуя её руки — сначала ладонь, потом кончики пальцев, затем снова ладонь. Анна растерялась от такого порыва. Она, конечно, догадывалась, что нравится ему — да и Ферухе с Ниной об этом говорили. Но сейчас это больше походило на какое-то помешательство, на одержимость, от которой становилось не по себе.

— Джареф, встань, — слегка охрипшим голосом попросила Повелительница.

Мужчина резко вскочил на ноги. Испуганно заглянул в глаза Анны. В его взгляде появился стыд и смущение — он вдруг осознал, как выглядел со стороны. Резко опустил глаза вниз, плечи чуть ссутулились. Анна прикусила губу, наблюдая за ним. В этой покорности, в этом мгновенном преображении было что-то трогательное.

— Поцелуй меня, — вдруг сказала она.

Джареф вскинул на неё взгляд — полный надежды, неве-

рия и восторга. Но даже услышав эти слова, он не посмел снова коснуться её без позволения. Анна вдруг улыбнулась — искренне, почти по-детски. Сделав шаг вперёд, она положила руку на его грудь. Под ладонью отчётливо ощущалось, как часто и неровно бьётся его сердце.

Джареф едва сдержал стон. Склонившись, он припал к её губам — сначала робко, неуверенно, а затем всё смелее, словно наконец позволив себе то, о чём мечтал долгие месяцы.

***

Анна смотрела в окно. Над горизонтом занимался рассвет — робкий, трепетный, словно первый вздох пробуждающегося мира. Небо на востоке уже не было чернильно-чёрным: оно наливалось бледным, почти призрачным светом, окрашивалось в нежные оттенки перламутра и лаванды. Первые лучи солнца, тонкие и золотистые, как шёлковые нити, скользили по кромке облаков, обещая скорый приход дня.

Джареф спал рядом, прижав к себе девичье тело. Его дыхание было ровным, глубоким — спокойным дыханием человека, который наконец обрёл то, о чём долго мечтал. Рука, тяжёлая и тёплая, покоилась на талии Анны, будто оберегая её даже во сне.

Несмотря на приятную, обволакивающую усталость — ту сладкую истому, что приходит после бурных часов, — Анна так и не смогла уснуть. Мысли кружились в голове, как осенние листья в вихре: тревожные, противоречивые, настойчи-

вые. Они то замирали на мгновение, то вновь начинали свой бешеный хоровод — воспоминания, сомнения, вопросы без ответов...

Она перевела взгляд с рассвета на профиль Джарефа: чёткий контур скул, расслабленные черты лица, тёмные ресницы, отбрасывающие тени на щёки. В груди что-то ёкнуло — смесь нежности и тревоги. Что будет дальше? Правильно ли она поступила? И сможет ли теперь жить с этим выбором — без оглядки на советы подруг, без страха перед будущим?

Наконец, устав лежать просто так, Анна осторожно выскользнула из-под руки Джарефа. Движения её были едва уловимыми — она боялась разбудить его, нарушить эту хрупкую тишину между ночью и утром. Ткань сорочки скользнула по коже, как лёгкое дуновение ветерка.

Оказавшись на ногах, она на мгновение замерла, прислушиваясь к дыханию мужчины. Убедившись, что он всё ещё спит, Анна тихо подошла к окну и прижалась лбом к прохладному стеклу. Холод отрезвлял, помогал собраться с мыслями.

За окном мир пробуждался: где-то вдали слышалось первое пение птиц, воздух наполнялся свежестью наступающего дня. Анна глубоко вздохнула, пытаясь уловить этот особенный запах утра — смесь росы, цветов из дворцового сада и едва уловимого дымка от ранних костров на кухне.

Взгляд снова устремился к горизонту, где алая полоса рассвета ширилась, разгоняя остатки ночи. Анна стояла у ок-

на — одинокая фигура в голубом шёлке, силуэт, очерченный первыми лучами восходящего солнца. В этой тишине, на грани двух миров — сна и яви, тьмы и света — она пыталась найти ответ, который пока ускользал от неё.

***

Министр Коэф резко проснулся — словно вынырнул из глубин сна. Сердце ещё колотилось, дыхание было прерывистым. Проведя рукой по шёлковой простыне рядом с собой, он ощутил лишь прохладную пустоту. Неужели всё произошедшее — всего лишь сон? Видение, сотканное из желания и полуночных грёз?

Но, открыв глаза, мужчина понял: он действительно находился в покоях Повелительницы. Роскошные драпировки, тяжёлые шторы цвета индиго, резной столик у кровати с хрустальным кувшином и чашей — всё это было слишком реальным, слишком осязаемым, чтобы быть плодом воображения.

— Доброе утро, — раздалось в стороне, мягким, но властным голосом.

Джареф сел. Одеяло соскользнуло, обнажая крепкую грудь и живот — не лишённый приятной для глаза мускулатуры, с чёткими линиями пресса, чуть тронутый россыпью тёмных волос. Он с изумлением увидел Повелительницу: она сидела за столом в глубине комнаты, уже полностью одетая, в строгом платье с высоким воротом, и перебирала какие-то бумаги, водя пером по пергаменту. Неужели она уже рабо-

тает?

Мужчина бросил взгляд в окно. Было ещё очень рано — солнце лишь наполовину показалось из-за горизонта, окрашивая небо в нежные оттенки персика и лаванды. Лучи скользили по карнизам, отбрасывали длинные тени на дворцовый сад.

— Доброе утро, — хрипло отозвался он, снова оборачиваясь к Анне. — А...

— Тебе лучше поскорее уйти, — не отрываясь от бумаг, сказала Повелительница. Её голос звучал ровно, почти отстранённо. — Скоро придёт Ферухе, чтобы помочь мне.

Она всё ещё вчитывалась в какой-то документ, водя пальцем по строкам, и совсем не заметила, как сжались кулаки мужчины, а губы его сжались в тонкую, напряжённую линию. В груди Джарефа что-то оборвалось — словно струна, натянутая до предела.

Он молча встал и начал собирать разбросанные вещи: рубашку, пояс, сапоги. Движения были резкими, но точными — годами выработанная военная выправка не позволяла ему суетиться, даже в этой ситуации. Сборы заняли мало времени, и вскоре он уже стоял полностью одетый, замер на пороге комнаты, глядя на Повелительницу.

Анна по-прежнему не поворачивала к нему головы. Её профиль был чётким и холодным в утреннем свете: прямой нос, линия подбородка, пряди волос, выбившиеся из причёски и упавшие на плечо. Она казалась далёкой, недостижимой

— как звезда на небосводе.

— Увидимся на совете, — наконец произнёс он, и в голосе прозвучала горечь, которую он не смог скрыть.

— Да, — просто ответила Анна, не поднимая глаз. Перо скрипнуло по пергаменту, будто подчёркивая окончательность момента.

Министр Коэф покинул покои Повелительницы. Дверь бесшумно закрылась за ним, отрезав его от комнаты, от женщины, от ночи, которая теперь казалась далёким сном. В коридоре царила утренняя тишина — лишь где-то вдалеке слышались шаги слуг, начинавших новый день.

***

Верный Чоксо уже стоял у дверей своей госпожи — неподвижный, словно высеченная из камня статуя. Возле покоев Повелительницы всегда стояла стража, но вакхалиец всё равно дежурил рядом, позволяя себе отойти лишь на пару часов. Он уходил, когда она засыпала, и возвращался, едва первые лучи рассвета касались дворцовых стен. За столько лет это вошло в привычку — такую же естественную, как дыхание.

Но вот чего Чоксо не ожидал, так это появления в коридоре нового стража Повелительницы. Незнакомец возник словно из ниоткуда — высокий, с лёгкой развязной походкой, в которой сквозила нарочитая небрежность. Этот приезжий не внушал доверия. Слишком уж рьяно он пытался изобразить из себя беззаботного шалопа: широкая улыбка,

нарочито расслабленная поза, чуть ли не насвистывание какой-то мелодии. Но опытный взгляд Чоксо тут же подметил главное: под маской легкомыслия скрывалась стальная выправка. Осанка, положение плеч, едва заметное напряжение в мышцах — всё выдавало человека, привыкшего к бою. Тело его было тренированным, а значит — опасным.

— Я вот не понимаю, чего ты сюда так рано пришёл? — зевая на ходу, бурчал Тавер. Его голос звучал нарочито лениво, будто он только что встал с постели. — Повелительница же, как обычная девушка, должна ещё долго нежиться в тёплой постельке...

— Чоксо не звать пришлого, — просто ответил вакхалиец. Его голос был низким и ровным, без малейших эмоций.

— Это я «пришлый»? — картинно вскинул брови Тавер, прижав руку к груди с театральным возмущением. — Ты ранил меня в самое сердце! К тому же, если рассмотреть подробнее, то я уж куда более *местный*, чем ты.

Вакхалиец на это ничего не ответил. Он вообще излучал абсолютную невозмутимость — ни мускул не дрогнул на его смуглом лице, ни единый жест не выдал его мыслей. Всем своим видом он показывал, что гость из Хорты его ни разу не волнует.

Тавер быстро понял, что из Чоксо не выйдет активного собеседника. Прислонившись спиной к стене, мужчина сложил руки на груди и замолчал. Но долго хранить молчание у него не получилось.

— Возле покоев и так достаточно стражи, — прищурившись, произнёс он, бросив косой взгляд на вакхалийца. — Зачем ты торчишь здесь? Не доверяешь им?

В этот момент двери покоев Повелительницы бесшумно открылись. Молодой министр Джареф появился на пороге — сдержанный, с прямой спиной и холодным взглядом. Он коротко, но уважительно поздоровался с Чоксо и лишь затем обернулся к Таверу.

— Кхм... Я — Тавер, — склонившись перед министром, представился мужчина с нарочитой почтительностью. — Новый телохранитель Повелительницы.

— Понятно, — протянул Джареф, скользнув по нему оценивающим взглядом. — Что ж, я пойду.

Министр ушёл, сопровождаемый понимающим взглядом Тавера.

— А Повелительница молодец, — на губах телохранителя появилась чуть развязная, почти непочтительная улыбка. — Знает, кого выбирать...

Чоксо злобно посмотрел на него. Такие шутки в сторону госпожи он просто так оставить не мог. В его глазах вспыхнул холодный огонь — предупреждение, не требующее слов.

К счастью для Тавера, в этот момент в коридоре показалась Ферухе в сопровождении двух служанок. С лёгким поклоном приветствовав мужчин, девушки вошли в покои Повелительницы. Тавер с улыбкой проводил их взглядом — и тут же напоролся на ледяной, немигающий взор Чоксо.

Вакхалиец снова замер у дверей, прямой и неподвижный, как древняя стража у гробниц. Его молчание было красноречивее любых слов: он здесь не для бесед — он здесь, чтобы охранять.

— Да что с тобой не так, друг? — улыбка сползла с лица Тавера, в голосе зазвучало искреннее недоумение. — Ты же понимаешь, что для хорошей работы нам необходимо будет найти общий язык?

— Пришлый не друг Чоксо, — буркнул вакхалиец, не поворачивая головы. Его взгляд оставался прикованным к дверям покоев — неподвижный, сосредоточенный, будто высеченный из цельного куска гранита.

Тавер на это лишь фыркнул, но от ответа удержался. Снова сложив руки на груди, он прислонился спиной к стене, лениво скользнув взглядом по коридору. Камень под спиной был холодным, а утренний свет, пробивавшийся сквозь высокие окна, казался слишком ярким для его уставших глаз.

— И всё равно не понимаю, почему так рано? Повелительница ведь... — начал было он, но осекся на полуслове.

В этот момент двери покоев в который раз бесшумно открылись. На пороге появилась сама Повелительница — прямая, собранная, с лёгкой улыбкой на губах. Её появление заставило Тавера на мгновение замереть: он явно не ожидал увидеть Анну в столь ранний час.

— Доброе утро, Чоксо, — с тёплой улыбкой поздоровалась она со своим верным телохранителем и обернулась ко

второму мужчине. — Тавер, если ты собираешься быть моим телохранителем, то обязан знать, что день я начинаю довольно рано. А вот ты выглядишь довольно устало. Неужели Харита не смогла помочь тебе отдохнуть?

Её слова прозвучали мягко, почти шутивно, но в них сквозила стальная нотка — Анна давала понять, что ей не секрет, как Тавер провел ночь. Вчерашний день был дан ему для обустройства на новом месте, для улаживания дел, связанных с переездом и вступлением в должность. Но выбор, который он сделал... это уже совсем другое дело.

Тавер почувствовал, как внутри всё сжалось. Осведомлённость Повелительницы стала для него неприятным осознанием — он не ожидал, что его ночные похождения так быстро станут известны.

— Кхм... Что вы, светлейшая, — нервно заулыбался мужчина, пытаясь скрыть замешательство. — Ночью я общался с народом, чтобы узнать, что же они о вас думают и не несут ли какой-либо опасности.

— И что же «народ»? — приподняла бровь Анна, её взгляд стал чуть более острым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.